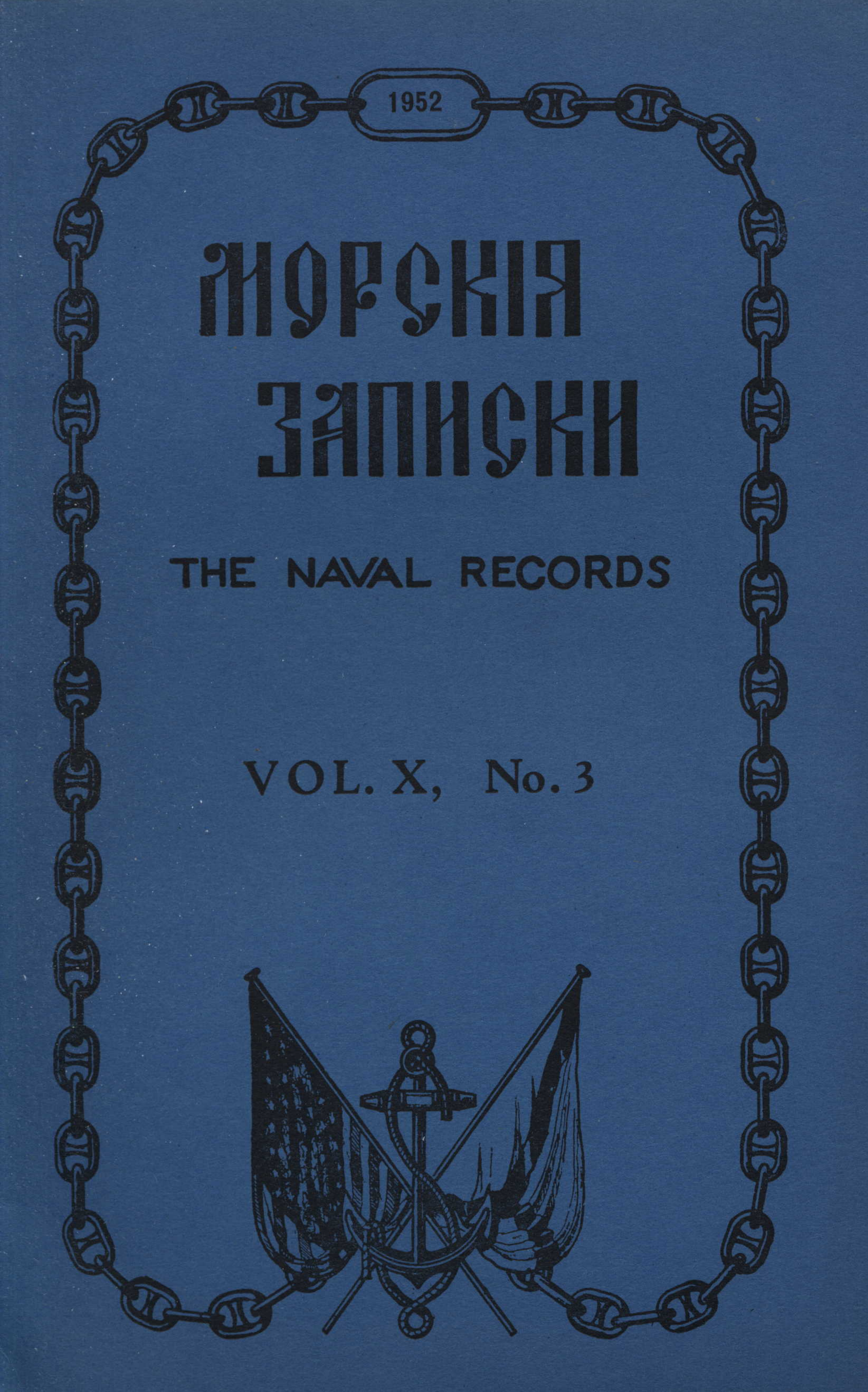

1952
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. X, No. 3

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя О-мъ б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ

**подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.
465 Лексингтонъ авеню
Нью Іоркъ, С. Ш. А.**

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Former Russian Naval Officers in America, Inc.

**G. N. Taube, Editor.
465 Lexington Avenue,
New York 17, N. Y., U.S.A.**

Vol. X, No. 3 **Price $1.00 a copy** **SEPTEMBER, 1952**

СОДЕРЖАНІЕ:

CONTENTS:

СПИСОКЪ
ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ ОБЩЕСТВА И АДРЕСОВЪ, ПО КОТОРЫМЪ ВО ИЗБѢЖАНІЕ ЗАДЕРЖКИ НАДЛЕЖИТЪ АДРЕСОВАТЬ КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ.

По дѣламъ Общества:

Предсѣдателю, Петру Евграфовичу Стогову.
P. E. Stogoff, 89-30 164th St., Jamaica, L. I., N. Y.
Tel.: JAmaica 3-5885.

По дѣламъ казначея:

Казначею, Юрію Всеволодовичу Соловьеву.
Yury V. Solovieff, 617 West 143rd Street, Apt. 6, New York 31, N. Y.

Связь, бюллетени, информація:

Юрію Корнельевичу Дворжицкому.
634 West 135th Street, New York 31, N. Y. Tel.: WA 6-9758.

Комитетъ Помощи:

Предсѣдателю К-та, Владиміру Димитріевичу Погожеву.
V. D. Pogogeff, 141 West 72nd Street, New York 23, N. Y.

По дѣламъ Казначея К-та Помощи:

Казначею К-та, Маринѣ Николаевнѣ фонъ Зонъ.
M. N. von Sonn, 371 95th Street, Apt. 2C, Brooklyn 9, N. Y.
Tel.: SH 8-0406.

Выписка Ди-Пи изъ Европы:

Георгію Ивановичу Пухиръ.
George J. Pookhir, 41-44 74th Street, Jackson Heights,
Long Island, N. Y.

Историческая Комиссія, библіотека, архивъ:

Предсѣдателю Истор. Комиссіи, Сергѣю Владиміровичу Гладкому.
Serge V. Glad, 3604 Broadway, New York 31, N. Y. Tel.: AD 4-8894.

«Морскія Записки»:

Редактору бар. Георгію Николаевичу Таубе.
George N. Taube, 465 Lexington Ave., New York 17, N. Y.

Фондъ для Престарѣлыхъ:

Бар. Г. Н. Таубе.
465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y.

Устройство вечеровъ и предпріятій:

Генриху Генриховичу дю Беллэ.
Henry P. du Bellet, 324 West 56th Street, New York 19, N. Y.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

По независящимъ отъ редакціи причинамъ, продолженіе статьи Ю. К. Старкъ — «Отчетъ о дѣятельности Сибирской Флотиліи», и окончаніе статьи В. М. Костенко — «Въ клубѣ Самоубійцъ», не были готовы ко времени сдачи матерьяла въ типографію, и поэтому не могли быть напечатаны въ настоящемъ номерѣ. По мѣрѣ готовности, они будутъ помѣщены въ ближайшихъ номерахъ.

До настоящаго времени, средства на изданіе «Морскихъ Записокъ» получались, главнымъ образомъ, отъ подписной платы и пожертвованій, дававшихъ возможность выпускать по три или четыре номера въ годъ. Съ окончаніемъ войны число подписчиковъ увеличилось привлеченіемъ таковыхъ въ Европѣ, Сѣверной Африкѣ и Южной Америкѣ, но высокая стоимость доллара и валютныя ограниченія позволили этимъ подписчикамъ вносить лишь номинальную плату, едва покрывающую почтовые расходы издательства. Такимъ образомъ, эти подписчики не могли помочь финансовой поддержкѣ изданія.

Все увеличивающаяся цѣна на бумагу и типографскій трудъ принудили редакцію сначала перейти на изданіе «Записокъ» фотоофсэтомъ (1948-49), а затѣмъ передать печатаніе въ типографію, согласившуюся на льготныя условія. Къ сожалѣнію, возникли непредвидѣнныя задержки и затрудненія, результатомъ которыхъ въ 1951 году «Записки» вышли со значительнымъ запозданіемъ.

Въ настоящее время редакціи удалось наладить дѣло съ типографіей, но изъ-за задержки выхода послѣднихъ номеровъ, нѣко-

торые подписчики до сихъ поръ не озаботились присылкой подписной платы, за 1952 г., и въ нѣкоторыхъ случаяхъ за 1951 г., а нѣкоторые даже отказались отъ дальнѣйшаго полученія журнала.

Редакція настоятельно проситъ не задерживать присылку подписной платы и помочь «Морскимъ Запискамъ» привлеченіемъ новыхъ подписчиковъ и пріобрѣтеніемъ черезъ редакцію книгъ, предлагаемыхъ издательствомъ имени Чехова въ Нью-Іоркѣ, такъ какъ отъ имѣемаго наличія будетъ зависѣть дальнѣйшее существованіе журнала.

«Морскія Записки» разсылаются подписчикамъ Third class mail or Parcel Post. Несмотря на имѣемый на конвертѣ обратный адресъ и обязательства уплаты расходовъ по возвращенію въ случаѣ ненахожденія адресата, было нѣсколько случаевъ, когда посылаемый номеръ терялся на почтѣ. Редакція проситъ подписчиковъ, не получившихъ какого-либо номера «Записокъ», сообщить объ этомъ, и дубликатъ потеряннаго номера будетъ немедленно высланъ.

Вниманію подписчиковъ во Франціи и Французскихъ колоніяхъ:

Представителемъ «Морскихъ Записокъ» для Франціи любезно согласился быть

Лейт. Алексѣй Алексѣевичъ Соколовъ.

Mr. ALEX. SOKOLOFF

18, rue Lacretelle, 18. Paris 15e. France

Просьба подписную плату и прочіе денежные переводы посылать на его имя и на его почтовый счетъ

Cheque Postaux, Paris 1390-75

П. А. Варнекъ.

БАЛТІЙСКІЕ ПРОЛИВЫ ВЪ І-УЮ МІРОВУЮ ВОЙНУ

Даже довольно освѣдомленные люди считаютъ, что съ момента начала войны между Россіей и Германіей, проливы, соединяющіе Балтійское и Сѣверное море были совершенно закрыты для судоходства. Но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ?

Сѣверное море, черезъ Каттегатъ, соединяется с Балтійскимъ тремя проливами. Глубоководные, проходящіе между датскими островами, Большой и Малый Бельтъ съ 5-го августа 1914 г. были перегорожены у ихъ южныхъ выходовъ нѣмецкимъ миннымъ загражденіемъ; со своей стороны, датчане, для огражденія своего нейтралитета, поставили мины внутри этихъ проливовъ, оставивъ лишь узкіе проходы. Такимъ образомъ, для судовъ Антанты, Бельты всю войну были закрыты.

Болѣе или менѣе свободнымъ остался самый восточный изъ проливовъ — Зундъ. Проливъ въ 50 миль длиной, считая отъ Каттегата, и шириной отъ 2-хъ миль въ его сѣверной части, онъ расширяется до десяти-двѣнадцати миль. На всемъ его протяженіи находятся отмели, допускающія проходъ судовъ съ осадкой не болѣе 7-ми метровъ Западный берегъ пролива принадлежитъ Даніи, восточный — Швеціи. У входа въ Балтійское море проливъ раздѣляется датскимъ островомъ Сальтгольмъ на двѣ части, образуя два фарватера. Подъ давленіемъ нѣмецкой дипломатіи, датчане загородили минами западный фарватеръ, называемый Дрогденъ.

Несмотря на давленіе Берлина, шведы, заявивъ, что Зундъ является интернаціональнымъ проливомъ, заминировать восточный фарватеръ-Флинтъ отказались. По своему географическому положенію, Швеція была сильно заинтересована въ свободномъ плаваніи черезъ проливы и оказывала упорное сопротивленіе нѣмецкимъ требованіямъ. Съ другой стороны, она подвергалась давленію странъ Антанты, отъ которыхъ зависѣлъ свободный пропускъ черезъ Сѣверное море необходимыхъ ей грузовъ. Положеніе же Германіи, по отношеніи Швеціи усложнялось, ввиду того, что нѣмецкіе пароходы перевозили изъ Ботническаго залива руду, и мѣры, которыя шведы могли бы принять противъ судоходства воюющихъ странъ могли обратиться и противъ самихъ нѣмцевъ!

Для наблюденія за Зундомъ, черезъ который нѣмцы допускали

возможность прорыва англійскихъ крейсеровъ[1], и для пресѣченія контрабанды, съ начала войны германское командованіе выставило у его южного выхода постоянный дозоръ изъ трехъ миноносцевъ, базировавшейся на Варнемюнде 7-ой полуфлотиліи. Но въ ночное время, при непогодахъ и, главнымъ образомъ, благодаря прилегающимъ территоріальнымъ водамъ, эта блокада не была дѣйствительной.

Нѣмецкій флотъ началъ устанавливать дозоры въ своихъ водахъ лишь съ 2-го августа н. ст. 1914-го года. Этимъ можно объяснить, что въ нѣмецкія руки, не считая трехъ финскихъ пароходовъ, стоявшихъ въ портахъ, и нѣсколькихъ парусниковъ, не попалъ ни одинъ изъ русскихъ пароходовъ, пересѣкавшихъ въ эти дни Балтійское море. Но пароходъ «Беркутъ», избѣжавъ встрѣчи съ нѣмецкими судами, въ вечернемъ туманѣ проскочилъ также черезъ завѣсу русскихъ миноносцевъ, охранявшихъ Суропскій проливъ, и былъ потопленъ огнемъ 8″ баттареи острова Наргенъ, принявшей его за нѣмецкій заградитель!

Попутно можно отмѣтить, что, по инициативѣ адмирала Эссена, русскіе крейсера установили завѣсу въ ночь на 26-ое іюля. Это позволило русскому флоту захватить въ морѣ 4 нѣмецкихъ парохода и задержать въ портахъ Балтійскаго моря 57 другихъ, не считая одного австрійца! Захваченные такимъ образомъ пароходы составили Транспортную флотилію, частично усилили Дивизію Траленія и 4 были передѣланы, какъ минные заградители.

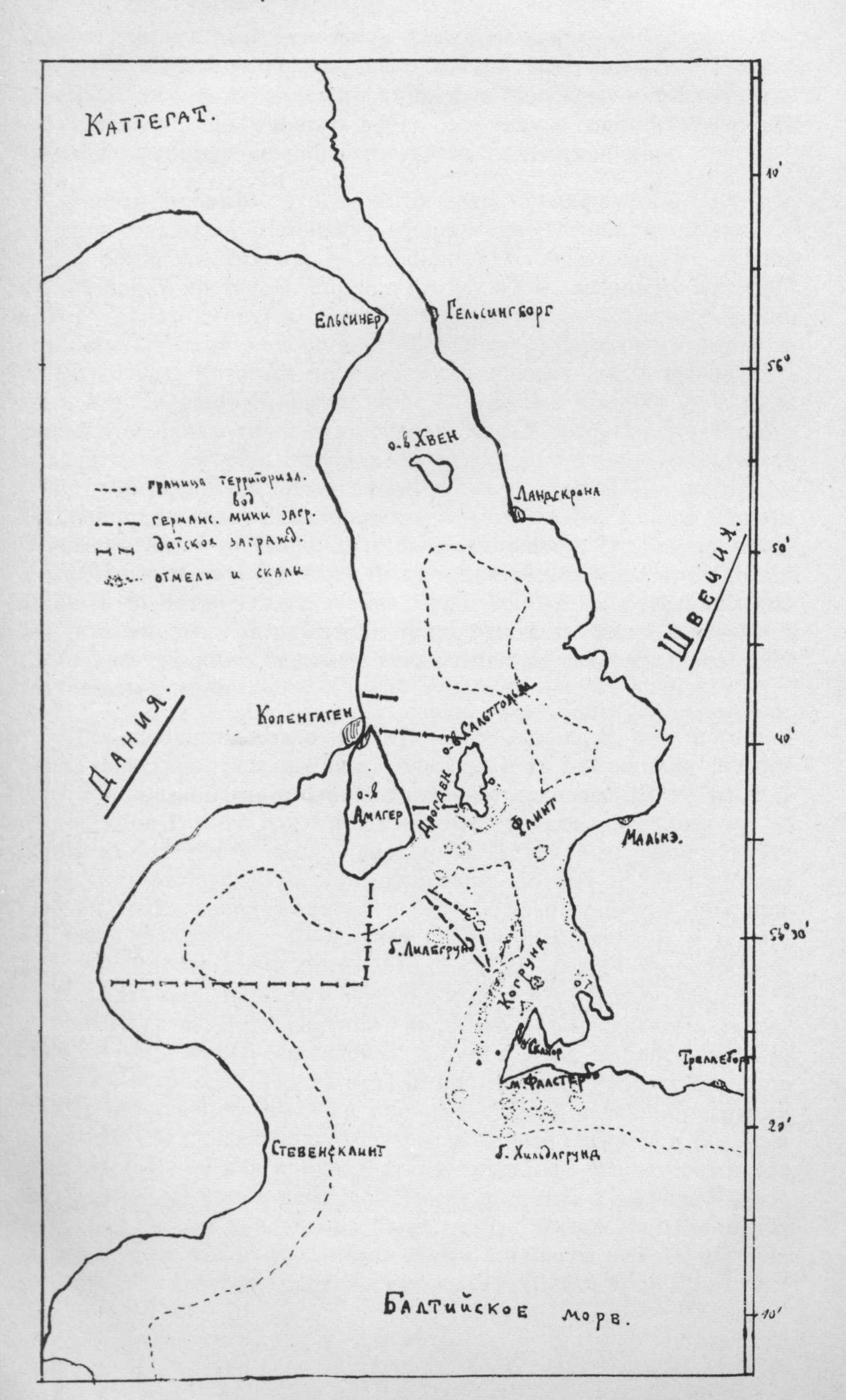
Проэктъ покупки минного заградителя

Несмотря на это неожиданное подкрѣпленіе, Балтійскій флотъ все же нуждался въ быстроходныхъ минныхъ заградителяхъ и мореходныхъ сторожевыхъ судахъ. По порученію начальника Отряда Минныхъ заградителей, контръ-адмирала Канина, одинъ офицеръ-гидрографъ, изъ офицеровъ флота, черезъ своихъ знакомыхъ финскихъ коммерческихъ моряковъ выяснилъ, что въ одномъ изъ портовъ Англіи имѣется возможность купить 23-хъ узловой, съ осадкой лишь около 12-ти футовъ, почтово-пассажирскій пароходъ «Viper» (1906 г., 1713 бр. т.), который вполнѣ отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ минного заградителя. Будучи командированъ для этого въ Петроградъ, Б. доложилъ о своей находкѣ контръ-адмиралу

---

[1] Въ дѣйствительности англійскій адмиралъ Фишеръ разработалъ проектъ прорыва англійской эскадры въ Балтійское море и для этой цѣли въ 1915-омъ году были заложены три имѣвшіе малую осадку большихъ крейсера типа «Courageous» съ 12″ артиллерией.

Пролив Зунд.


Каттегат.
10'
Ельсинер
Гельсингборг
56°
о-в Хвен
граница территориал. вод
германс. мины загр.
датское загражд.
отмели и скалы
Ландскрона
50'
Швеция.
Дания.
Копенгаген
о-в Салтгольм
40'
о-в Амагер
Дрогден
Флинт
Мальмэ.
55°30'
б. Лиллгрунд
Когрунд
Скаллор
м. Фальстербо
Треллеборг
20'
Стевенсклинт
б. Хильдагрунд
Балтийское море.
10'

Канину, затѣмъ Командующему флотомъ адмиралу Эссену и Начальнику Морского Генеральнаго Штаба вице-адмиралу Русину. Адмиралъ Эссенъ передалъ послѣднему и Морскому министру свою настойчивую просьбу купить этотъ пароходъ и сообщилъ, что онъ берется благополучно привести его въ Балтійское море.

Считая прорывъ этого, имѣющаго специфическій силуэтъ, судна, через завѣсу нѣмецкихъ миноносцевъ, слишкомъ рискованнымъ, адмиралъ Эссенъ, не дожидаясь окончательнаго рѣшенія дальнѣйшихъ инстанцій, поручилъ тому же Б., знавшему шведскій языкъ, сдѣлать секретный промѣръ третьяго, мелководнаго, за ненадобностью въ мирное время, заброшеннаго берегового фарватера Колгрундъ, который по шведскимъ водамъ даетъ выходъ судамъ изъ Зунда въ открытое море за рифомъ Фалстербо, т. е. за линіей нѣмецкихъ дозорныхъ судовъ. Кромѣ того, предполагалось выяснить, не имѣется ли прохода между продолжающимъ мысъ Фалстербо рифомъ и прилегающей къ нему банкой Хильдагрундъ, которая принуждала суда покидать территоріальныя воды Швеціи. Открытіе такого прохода, дало бы возможность судамъ, не покидая нейтральныхъ водъ, выходить въ Балтійское море и слѣдовать по нимъ до Ботническаго залива. Ввиду множества русскихъ и нѣмецкихъ минныхъ загражденій, прямой путь въ Финскій заливъ, и вообще къ русскимъ берегамъ исключался, во всякомъ случаѣ, для торговыхъ судовъ.

Для исполненія возложенной на него задачи, Б. получилъ паспортъ финскаго гражданина и, взявъ себѣ въ помощники служившаго въ финской лоціи финна, капитана торговаго флота, въ концѣ сентября 1914-го года, подъ видомъ туриста, поселился въ курортномъ мѣстечкѣ около Фалстербо. Здѣсь онъ нанялъ двухъ шведскихъ рыбаковъ, съ ихъ моторнымъ ботомъ и, подъ видомъ рыбной ловли, приступилъ къ работѣ. Дѣлая промѣры, ему приходилось сближаться с нѣмецкими сторожевыми судами, и, однажды, въ темнотѣ, когда ботъ находился на кромкѣ территоріальныхъ водъ, онъ подвергся преслѣдованію и обстрѣлу нѣмецкаго дозорнаго судна. Ботъ получилъ пробоину отъ маленькаго, къ счастью не разорвавшагося снаряда, и смогъ уйти, выбросившись на шведскій островокъ. Послѣ недѣли промѣрныхъ работъ, была выяснена возможность ночного прохода «Viper» черезъ Колгрундъ. Для этой цѣли были подготовлены свѣтовые сигналы и Б. составилъ инструкцію для прохода этимъ труднымъ фарватеромъ. Но, несмотря на настояніе адмирала Эссена и контръ-адмирала Канина, пароходъ всё же купленъ не былъ, ибо, Главное Управленіе Кораблестроенія нашло требуемую сумму, милліонъ рублей, включая страховку отъ военнаго риска, слишкомъ высокой.

Первый прорывъ англійскихъ подводныхъ лодокъ

Ввиду отсутствія въ Балтійскомъ флотѣ современныхъ подводныхъ лодокъ въ 1914-омъ году, одновременно въ Россіи и въ Англіи было приступлено къ изученію возможности перехода англійскихъ лодокъ въ Балтійское море. Еще до представленія русскаго командованія о помощи англійскими подводными лодками, британское адмиралтейство рѣшило послать три лодки, имѣя портомъ назначенія Либаву. Но оно, видимо, не знало, что въ періодъ мобилизаціи этотъ портъ былъ эвакуированъ русскимъ флотомъ, склады сожжены, портовые сооруженія взорваны и ворота, за исключеніемъ одного узкаго прохода, заграждены затопленными судами. Передъ Либавой находилось, поставленное крейсеромъ «Аугсбургъ» минное загражденіе, но его точныя границы не были опредѣлены.

О выходѣ англійскихъ лодокъ адмиралъ Эссенъ узналъ лишь 17-го октября 1914-го года и черезъ Морской Генеральный Штабъ немедленно телеграфировалъ британскому командованію, рекомендуя направить лодки въ бухту Тагалахъ на островѣ Эзель. Но было уже поздно, такъ какъ двѣ лодки ушли изъ Ярмута еще 15-го числа. Срочно, для встрѣчи лодокъ и проводки ихъ черезъ загражденія, въ Либаву былъ посланъ четырехтрубный миноносецъ «Поражающій» (четырехтрубныхъ въ нѣмецкомъ флотѣ не было) и мобилизованъ пароходъ «Вормсъ», для службы маячнымъ суднамъ въ районѣ миннаго загражденія. Туда же было доставлено для лодокъ горючее и предметы снабженія. Въ это время въ Либавѣ находилась подводная лодка «Крокодилъ» и два-три портовыхъ судна съ военной командой, которые были привлечены къ операціи встрѣчи англичанъ[2].

Въ ночь на 17-ое октября, «E1», никѣмъ не замѣченная, прошла черезъ Флинтъ и послѣ трехъ безрезультатныхъ атакъ на нѣмецкіе крейсера, 21-го пришла въ Либаву. «E9» прошла проливъ въ ночь на 19-ое. Около полдня она была замѣчена нѣмецкимъ миносцемъ «V27», потомъ миноносецъ «S31» пытался ее таранить. 22-го лодка подошла к Либавѣ и была встрѣчена портовымъ судномъ. Третья лодка, «E11», запоздала съ выходомъ и при подходѣ къ Зунду, встрѣтила уже усиленное сторожевое охраненіе, ввиду чего вернулась въ Англію. Такимъ образомъ изъ трехъ лодокъ, двѣ безъ труда прорвались, но ихъ проходъ былъ облегченъ полной неожиданностью операціи. Во время опредѣленія границъ миннаго загражденія, 26-го октября взорвался на минѣ пароходъ «Вормсъ».

---

[2] См. «Волны Балтики», стр. 149.

Провозъ контрабандныхъ грузовъ

Съ первыхъ же мѣсяцевъ войны, русскіе торгово-промышленные круги пытались использовать для доставки заграничныхъ товаровъ, пути шедшіе черезъ Скандинавскій полуостровъ. Эта тенденція особенно усилилась послѣ правительственнаго распоряженія 29-го апрѣля 1916-го года, по которому грузы не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ оборонѣ, не допускались больше къ перевозкѣ черезъ Архангельскъ[3]. Частные грузы, главнымъ образомъ колоніальные товары, табакъ, мануфактура, консервы и пр., доставлялись въ порты Норвегіи, откуда перевозились по желѣзнымъ дорогамъ, иногда по Гётскому каналу, до шведскихъ портовъ и далѣе, на каботажныхъ пароходахъ, доставлялись въ Бьернеборгъ, Раумо и Або. Часть грузовъ шла черезъ Нарвикъ на Хапаранду, до которой къ концу 1914-го года была продолжена желѣзная дорога съ финской стороны, но мостъ черезъ пограничную рѣку Торнео до конца войны не былъ законченъ, что заставляло производить переправу на паромахъ.

Для устраненія недостатковъ нѣсколькихъ перегрузокъ и избѣжанія контроля скандинавскихъ властей, явилось стремленіе использовать полностью морской путь. Но провозъ контрабандныхъ грузовъ черезъ Зундъ не принялъ большихъ размѣровъ и ограничился проходомъ отдѣльныхъ, небольшого тоннажа пароходовъ, главнымъ образомъ, шедшихъ изъ Даніи съ грузомъ машинъ и другихъ товаровъ. Въ обратную сторону, въ значительно большемъ количествѣ, шведскія суда вывозили въ Англію лѣсъ и были также отправки русскаго цемента.

Главной причиной тому, что Зундъ не принялъ большого значенія и его не использовали для крупныхъ перевозокъ казенныхъ грузовъ, былъ тотъ фактъ, что путь пароходовъ, шедшихъ изъ Англіи и Америки въ Архангельскъ былъ короче по времени, и безопаснѣе въ военномъ отношеніи, чѣмъ переходъ Сѣвернымъ моремъ и затѣмъ плаваніе по береговымъ фарватерамъ вокругъ всего Скандинавскаго полуострова, къ тому же, не пригоднымъ для океанскихъ пароходовъ.

Постепенно нѣмцы усиляли наблюденіе у Зунда и ставили новыя преграды судоходству. Послѣ прорыва англійскихъ подводныхъ лодокъ имъ удалось добиться отъ шведовъ погашенія маяка Фалстербо и Дрогденъ и снятія пловучаго маяка Фалстербо. Съ начала декабря 1914-го года, по примѣру англичанъ, нѣмцы начали отправлять задержанные ими подозрительные суда для обыска въ портъ Свинемюнде. Эта мѣра почти исключала возможность дѣй-

---

[3] См. «Русскій Сѣверъ въ Первую Міровую войну». П. Варнекъ «Морскіе Записки». Т. VII, № 2.

ствовать обманомъ и пользоваться фальшивыми документами. Но скандинавскіе пароходы, имѣвшіе грузы, адресованные нейтральнымъ, по предъявленію особыхъ гарантійныхъ документовъ, пропускались далѣе безъ отправки въ Свинемюнде. Эта мѣра заставляла судовладѣльцевъ отказываться отъ контрабандныхъ грузовъ. Кромѣ того, судовладѣльцы, пароходы которыхъ заходили въ финскіе порты, заносились въ чёрный списокъ.

Естественно, капитаны, перевозившіе контрабанду, пускались на всякія уловки и иногда даже оказывали нѣмцамъ сопротивленіе. Такъ, 20-го декабря 1915-го года, шведскій пароходъ «Арго», шедшій изъ Копенгагена съ грузомъ въ Раумо, при попыткѣ его остановить вблизи Симрисгамна, внезапно положивъ руль, ударилъ форъ-штевнемъ миноносецъ «S22» и, несмотря на выстрѣлъ подъ носъ, ушелъ въ территоріальные воды. Нѣсколько позже онъ всё-же былъ захваченъ двумя миноносцами, намѣренно зашедшими въ шведскіе воды, и приведенъ въ Свинемюнде. Но, не желая вступать въ конфликтъ со шведами, германское командованіе приказало немедленно пароходъ отпустить.

Не считая блокады Зунда и крейсерскихъ операцій вдоль шведскихъ береговъ, нѣмецкій флотъ, въ цѣляхъ созданія помѣхи навигаціи между Швеціей и финскими портами, проводилъ также операціи въ Ботническомъ заливѣ. 7-го сентября 1914-го года состоялся крейсерскій набѣгъ, результатомъ котораго было потопленіе финскаго парохода «Улеаборгъ» и снятіе со шведскаго парохода возвращавшихся на родину 34-хъ военнообязанныхъ англичанъ. 11-го октября крейсеръ «Аугсбург» произвелъ безрезультатную развѣдку въ Оландсгафе и 6-го декабря минный заградитель «Дейчландъ» поставилъ 80 минъ у Раумо и 120 у Бьернеборга, на которыхъ взорвалось четыре шведскихъ парохода; на обратномъ пути крейсеръ «Любекъ» захватилъ у острова Эланда шедшій въ Англію съ грузомъ стали, шведскій пароходъ «Вера».

Но созданіе зимой 1914-15 г.г. Або-Аландскаго отряда судовъ и постановка 27-го апрѣля 1915-го года миннаго загражденія изъ 560-ти минъ въ Оландсгафе, отъ кромки шведскихъ водъ до острова Логшеръ, сдѣлали операціи нѣмцевъ въ Ботническомъ заливѣ невозможными и весь 1915-ый годъ прошелъ тамъ спокойно. Лишь 6-го ноября, подводная лодка «U10», вѣроятно пройдя по шведскимъ водамъ, потопила у Гевле маленькій финскій пароходъ «Биргитъ».

Покупка судовъ въ Норвегіи

Въ маѣ 1915-го года офицеръ-гидрографъ Б. выяснилъ возможность покупки въ Норвегіи нѣсколькихъ безработныхъ китобойныхъ судовъ. Подъ видомъ гражданскихъ лицъ, въ Норвегію

была послана комиссія въ составѣ офицера-гидрографа Б., инженеръ-механика лейтенанта Х. и корабельнаго инженера В., которая признала суда вполнѣ пригодными для нуждъ флота. При помощи консула въ Христіаніи (Осло) была составлена фиктивная норвежская компанія, которая купила 5 китобойныхъ судовъ, стоявшихъ въ районѣ Христьянзанда. Для оформленія этихъ дѣлъ, пришлось кое-кого ублажить и, чтобъ заручиться поддержкой одного вліятельнаго лица, попутно купить его, стоявшую безъ дѣла, моторную яхту. Затѣмъ были наняты норвежцы капитаны изъ разряда «головорѣзовъ» и соотвѣтствующая команда. Имъ было сказано, что суда повезутъ контрабанду въ одинъ изъ сѣверныхъ портовъ въ Швеціи и, въ случаѣ благополучнаго прихода, была обѣщана премія въ размѣрѣ двойного жалованія. Для отвода глазъ, въ трюмы были погружены боченки съ сельдями и ящики съ консервами, но команда была увѣрена, что подъ безвинными ярлыками скрывается какое-либо оружіе! На одинъ изъ китобоевъ, въ качестве кочегара, былъ зачисленъ гидрографъ Б., имѣвшій на сей разъ всѣ бумаги норвежскаго матроса. Капитану этого судна было сказано, что «кочегаръ» Ларсъ Андерсенъ является представителемъ администраціи пароходства и его инструкціи, подъ страхомъ лишенія преміи, должны точно исполняться. Но капитанъ никакъ не могъ предположить, что этотъ представитель былъ русскимъ морскимъ офицеромъ; матросы же приняли въ свою среду исправно стоявшаго свою вахту, молчаливаго кочегара и даже его шведский акцентъ не вызвалъ никакихъ вопросовъ, къ тому же считавшихся неумѣстными въ этой компаніи!

Чтобъ не привлекать вниманія нѣмецкихъ сторожевыхъ судовъ, рѣшено было китобои послать двумя группами; — первая пара вышла изъ Христьянзанда въ іюнѣ, вторая группа, на которой находился Б., три недѣли спустя. Главной задачей Б. было наблюденіе диспозицій нѣмецкой сторожевой службы, ее пріемовъ и изученіе обстоятельствъ плаванія въ Каттегатѣ и Зундѣ и далѣе по территоріальнымъ водамъ Швеціи.

Первая пара, безъ особыхъ приключеній благополучно достигла Раумо. Но когда вторая группа, пройдя Зундъ, вышла на короткій срокъ изъ территоральныхъ водъ у оконечности рифа Фалстербо, она была задержана нѣмецкимъ сторожевымъ судномъ и китобои были отведены въ Свинемюнде. Здесь былъ произведенъ строгий обыскъ и было установлено, что согласно коносамента, въ бочкахъ дѣйствительно были лишь селёдки! Грузъ былъ адресованъ въ шведскй портъ, судовые бумаги были въ порядкѣ и какъ полагается честнымъ купцамъ, суда были застрахованы! Была также произведена провѣрка экипажа. Нѣмецкій офицеръ вызывалъ каждаго по фамилии и задавалъ нѣсколько вопросовъ на плохомъ дат-

скомъ языкѣ. Очевидно нѣмцы кого-то искали. Когда чередъ дошелъ до Андерсена, кочегаръ предсталъ передъ офицеромъ весь выпачканный в углѣ и маслѣ и свободно отвѣтилъ на вопросы на шведскомъ языкѣ, чего, къ счастью, нѣмецъ не примѣтилъ. Но, несмотря на безуспѣшность обыска, разрѣшенія на продолженіе пути не послѣдовало. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельные друзья засуетились и норвежское правительство черезъ свое посольство въ Берлинѣ заявило протестъ по поводу безпричиннаго задержанія судовъ! Не имѣя возможности ни къ чему придраться, нѣмцы черезъ три дня отпустили суда, но эта авантюра дала возможность нашему офицеру сдѣлать цѣнныя наблюденія!

Опасаясь, что нѣмцы передумаютъ, или по наведеннымъ справкамъ дойдутъ до истины, Б. приказалъ капитану шведскихъ территоріальныхъ водъ больше не покидать. Лишь пройдя русское минное загражденіе въ Оландсгафе, онъ неожиданно приказалъ повернуть на востокъ и, обойдя Аландскіе острова съ сѣвера, привелъ суда въ Раумо. На слѣдующій день, къ удивленію своихъ соплавателей, онъ явился въ офицерской формѣ и приступилъ къ разсчету съ норвежцами. Далѣе, уже съ русской военной командой, суда пошли въ Гельсингфорсъ, гдѣ было приступлено къ ихъ перестройкѣ и вооруженію.

Всё ненужное въ военномъ отношеніи съ судовъ было убрано. Старые мостики замѣнены бронерованными рубками, поставленъ радіо-телеграфъ и на каждомъ суднѣ было установлено по два 75mm орудія, пулемёты и прожекторъ. Они составили 3-ій дивизіонъ сторожевыхъ судовъ и были зачислены во флотъ подъ названіями: «Китобой» (б. «Erris»), «Гарпунъ» (б. «Carsten Brunn»), «Неводъ» (б. «Ronashill»), «Наметъ» и пятый, названіе котораго не установлено.

Въ то же время въ Готеборгѣ находились построенные в Швеціи два ледокольныхъ буксира и два портовыхъ катера, заказанные до объявленія войны для Одесскаго порта. Взятые въ казну, буксиры были доставлены шведскими командами на Аландскіе острова, гдѣ первые два, подъ именами «Лёдъ» (б. «Днѣстръ») и «Снѣгъ» (б. «Днѣпръ») были тоже оборудованы какъ сторожевые суда.

Прорывъ англійскихъ подводныхъ лодокъ въ 1915-омъ году

Ввиду успѣшныхъ дѣйствій прорвавшихся въ 1914-омъ году англійскихъ подводныхъ лодокъ, русское командованіе, въ періодъ операцій германскаго флота противъ Рижскаго залива, обратилось къ англичанамъ съ просьбой о посылкѣ добавочныхъ подводныхъ лодокъ въ Балтійское море.

12-го августа 1915-го года въ голландскихъ газетахъ появи-

лось сообщеніе, что Россія попросила Англію послать еще три подводныя лодки[4]. Но англійскій адмиралъ Корбетъ сообщаетъ, что такое обращеніе было получено въ адмиралтействѣ лишь утромъ 15-го, и вечеромъ того же дня двѣ лодки вышли изъ Гарвига! Какъ такое сообщеніе попало въ нейтральныя газеты на три дня раньше, осталось не выясненнымъ? Не была ли то хитрость, имѣвшая цѣлью обезпокоить нѣмцевъ появленіемъ въ тылу дѣйствовавшаго флота отряда подводныхъ лодокъ? Во всякомъ случаѣ, это сообщеніе встревожило германскій штабъ и заставило его принять добавочныя мѣры предосторожности, оказавшіеся правильными, такъ какъ черезъ нѣсколько дней изъ нейтральныхъ источниковъ стали поступать свѣдѣнія о появленіи подводныхъ лодокъ въ Каттегатѣ.

Къ этому времени вся Курляндія была въ рукахъ нѣмцевъ и, ввиду присутствія германскаго флота у Эзеля, мѣсто встрѣчи подводныхъ лодокъ съ русскими судами было назначено у мыса Дагерортъ. Такимъ образомъ подводнымъ лодкамъ предстоялъ походъ въ 1150 миль; затемненіе же нѣкоторыхъ маяковъ и принятыя нѣмцами мѣры охраненія, еще больше затруднили задачу.

18-го августа, около полуночи, «Е8» вошла во Флинтъ и идя по глубинамъ на картѣ болѣе 4-хъ метровъ, подолгу касалась грунта. Передъ разсвѣтомъ 19-го, у маяка Дрогденъ она уже встрѣтила нѣмецкія сторожевыя суда и немного далѣе, у банки Лилегрундъ, нѣмецкій миноносецъ попытался ее протаранить. При быстромъ погруженіи на малой глубинѣ, лодка обломала себѣ всѣ лопасти одного гребного винта. Несмотря на это, 22-го августа «Е8» благополучно пришла въ Ревель.

Вторая лодка, «Е13», проходя проливы въ ту же ночь, при плохой видимости, сѣла на мель у острова Саальтгольмъ. Адмиралъ Мишке, въ вѣдѣніи котораго находилась охрана проливовъ, несмотря на то, что онъ зналъ, что лодка находится въ датскихъ водахъ, приказалъ миноносцу «Г131» войти въ проливъ и ее уничтожить. Артиллерійскимъ огнемъ миноносецъ сильно повредилъ лодку и 14 человѣкъ изъ ея экипажа было убито. Лишь вмѣшательство датскихъ миноносцевъ прекратило разстрѣлъ лодки, которая впослѣдствіи была снята съ мели и интернирована въ Даніи до конца войны.

Слѣдующій прорывъ англійскихъ лодокъ произошелъ три недѣли спустя. Наканунѣ прорыва первой изъ нихъ, нѣмецкій штабъ получилъ отъ нейтральныхъ моряковъ свѣдѣнія, что въ Каттегатѣ замѣчено до пяти англійскихъ подводныхъ лодокъ. Въ связи съ этимъ охрана Зунда была усилена и доведена до 17-ти различныхъ судовъ. Въ дополненіе 16-ая флотилія миноносцевъ была послана

---

[4] «Der Krieg in der Ostsee». T. II.

въ крейсерство и строемъ фронта должна была ходить по линіи южнѣе острововъ Готландъ-Эландъ.

Въ ночь на 9-ое сентября «Е18» вошла въ проливъ и у маяка Дрогденъ, ныряя на глубинѣ 6-ти метровъ, при приближеніи миноносца, шедшаго прямо на нее, сильно ударилась о грунтъ. Утромъ, у Фалстербо она встрѣтила миноносецъ «Г136», заставившій ее погрузиться. Около 10-ти часовъ, идя въ подводномъ положеніи она была обстрѣляна крейсеромъ «Амазоне», который прекрасно стрѣлялъ и отъ близкихъ разрывовъ второго залпа, въ носовой части лодки потухъ свѣтъ. 11-го сентября, южнѣе Готланда «Е18» имѣла еще встрѣчу съ двумя миноносцами.

«Е19» проходила узкости на сутки позже. Въ самомъ Флинте она встрѣтила одинъ изъ нѣмецкихъ миноносцевъ, посланныхъ въ развѣдку до Каттегата, и погрузилась на глубинѣ лишь въ 5 метровъ. На разсвѣтѣ, уже выйдя на глубокую воду, она встрѣтила крейсеръ «Амазоне» и безъ результата выпустила двѣ торпеды по шедшему за нимъ миноносцу «S122». Послѣ этого, два другихъ миноносца сбросили противолодочные бомбы и одинъ изъ нихъ преслѣдовалъ лодку до вечера. На слѣдующій день, на широтѣ Эланда, приближеніе двухъ миноносцевъ заставило «Е19» уйти подъ воду. 12-го сентября обѣ лодки подошли къ мысу Дагерортъ, гдѣ ихъ ожидала англійская подводная лодка «Е9» и четырехтрубный миноносецъ «Громящій». 10-го сентября у мѣста встрѣчи появился крейсеръ «Аугсбургъ», что принудило «Громящаго» временно покинуть свое мѣсто.

Нѣмецкія противомѣры

Встревоженное увеличеніемъ числа подводныхъ лодокъ въ Балтійскомъ морѣ и ихъ успѣхами, германское командованіе, для предотвращенія дальнѣйшихъ проходовъ англійскихъ лодокъ черезъ Зундъ, рѣшило принять энергичныя мѣры. Несмотря на протестъ Швеціи и Даніи, 24-го сентября 1915-го года было отдано приказаніе о постановкѣ внѣ предѣловъ территоріальныхъ водъ, но упираясь въ нихъ съ обѣихъ сторонъ, двухъ линій противолодочныхъ минъ. Загражденіе расположилось отъ маяка Дрогденъ по направленію на мысъ Фалстербо. 24-го ноября загражденіе было усилено обыкновенными минами. Для прохода сторожевыхъ судовъ, въ загражденіи былъ оставленъ секретный проходъ. Весной 1916-го года было выставлено сѣтьевое загражденіе и для облегченія ночного наблюденія, специальные прожекторные пароходы, освѣщали фарватеръ всю ночь. Дневное наблюденіе было усилено, базировавшейся на Варнемюнде гидро-авіаціей. Для придачи устойчивости всей линіи, старый линейный корабль типа «Лотрингенъ»,

ставился на якорь на мелкомъ мѣстѣ за загражденіем въ районѣ банки Лиллгрундъ. Онъ же являлся флагманскимъ кораблемъ.

Но нѣмцы просчитались! Ихъ загражденіе не перекрывало береговой фарватеръ Когрундъ, которымъ отдѣльные пароходы начали пользоваться уже съ марта 1915-го года. Ошибочно предполагая, что нѣкоторые изъ подводныхъ лодокъ прошли этимъ фарватеромъ, нѣмцы потребовали отъ Швеціи принятія мѣръ для охраны этого прохода шведскимъ флотомъ. Послѣ повторной ноты, шведы согласились лишь добавочно потушить маяки Мальмо и Сканоръ.

Благодаря этимъ мѣрамъ, дальнѣйшій прорывъ англійскихъ лодокъ, безъ нарушенія нейтралитета Швеціи, оказался очень затруднительнымъ и лодки этимъ путемъ больше не посылались; но четыре малыя лодки въ 1916-омъ году пришли по каналамъ черезъ Архангельскъ[5]. Съ другой стороны, Балтійскій флотъ съ лѣта 1915-го года началъ усиливаться новыми лодками типа «Барсъ», число которыхъ въ слѣдующемъ году дошло до десяти; такимъ образомъ англійская помощь перестала быть насущной необходимостью.

Нѣмецкое минное загражденіе сильно стѣснило шведское судоходство и совершенно неожиданно для нѣмцевъ, вынудило Швецію искать обходный путь, которымъ являлся Когрундъ. Шведская лоція обставила вѣхами и баканами этотъ довольно узкій фарватеръ и сдѣлала его вполнѣ проходимымъ для коммерческихъ судовъ! Мало того, вскорѣ шведы открыли проходъ между рифомъ Фалстербо и банкой Хильдагрундъ, давшій возможность пароходамъ, больше не покидать территоріальные воды. Осенью 1915-го года, по этому фарватеру проходило отъ 10-ти до 25-ти пароходовъ въ день, то-есть половина суточнаго числа судовъ ускальзывала отъ нѣмецкаго контроля, среди которыхъ естественно были всѣ, у которыхъ не было чисто на душѣ! Этимъ можно объяснить, что за всю войну, въ южной части Балтійскаго моря, не считая нѣсколькихъ частичныхъ грузовъ, нѣмцамъ удалось захватить лишь 12 контрабандистовъ, изъ которыхъ 8 шло въ Англію.

Нѣмецкое командованіе дѣлало все возможное для перехвата пароходовъ и ночью выдвигало дозорныя суда во внутрь проливовъ, гдѣ они имѣли рядъ инцидентовъ съ датскими и шведскими военными судами[6]. Нѣмецкіе миноносцы иногда по долгу сопровождали подозрительный для нихъ пароходъ въ надеждѣ, что онъ хоть на нѣсколько минутъ покинетъ территоріальныя воды. Но

---

[5] См. «Русскій Сѣверъ въ первую міровую войну». П. А. Варнекъ. «Морскіе Записки». Т. VII.

[6] «Der Krieg in der Ostsee». Томъ II. Гл. 12.

шведскіе миноносцы охраняли свои воды отъ беззаконія. Поэтому, можно было видѣть медленно пробиравшійся подъ берегомъ пароходъ, какъ бы подъ конвоемъ двухъ миноносцевъ: — шведскаго, вблизи и нѣмецкаго мористѣе! Когда же началась эвакуація англійскаго тоннажа, о которой рѣчь впереди, бывали случаи, что тотъ же шведскій миноносецъ конвоировалъ два пробиравшихся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга парохода: нѣмецкій, шедшій съ рудой изъ Люлео и англичанина, возвращавшагося на родину, охраняя одного отъ поползновеній русскихъ подводныхъ лодокъ и другого отъ злыхъ умысловъ нѣмцевъ! И нѣмцы и русскіе изыскивали мѣста, гдѣ какая-либо отмель заставляла пароходъ покинуть нейтральныя воды или же притаившись подъ водой, поджидали, что успокоенному пустыннымъ видомъ моря капитану надоѣстъ слѣдовать зигзагомъ берега и онъ рискнетъ пересѣчь какой-либо заливъ напрямикъ. За такое нетерпѣніе нѣкоторымъ, главнымъ образомъ нѣмцамъ, пришлось поплатиться дорогой цѣной. Достаточно вспомнить удачу «Волка», потопившаго 17-го мая 1916-го года три нѣмецкихъ парохода. Плаваніе вдоль береговъ, среди скалъ и островковъ было не изъ легкихъ, и не мало пароходовъ потерпѣли болѣе или менѣе серіозныя аваріи.

Для обмана пароходовъ своимъ безобиднымъ видомъ и, главнымъ образомъ, для конвоированія нѣмецкихъ пароходовъ, которые сильно страдали отъ дѣйствій русскихъ и англійскихъ подводныхъ лодокъ съ декабря 1915-го года, нѣмцы начали примѣнять суда-ловушки, ходившія подъ нейтральными флагами и иногда оперировавшія совмѣстно съ подводной лодкой. Для этой цѣли они приспособили четыре парохода, двѣ моторно-парусныхъ шхуны и буксиръ съ баржей, вооруживъ ихъ скрытой отъ внѣшняго наблюдателя артиллеріей. Успѣха противъ пароходовъ они не имѣли, но въ ночь на 26-ое мая 1916-го года, судно «К», оно же «Марія» (бывшій пароходъ «Кайзеръ Вильгельмъ»), идя подъ видомъ шведскаго парохода среди нѣмецкаго конвоя, при яркомъ лунномъ освѣщеніи, замѣтилъ въ двухъ стахъ метрахъ отъ себя находившуюся на поверхности подводную лодку, которая только что выпустила торпеду въ головной транспортъ. Положивъ руля на бортъ и увеличивъ ходъ до 14-ти узловъ, «Марія» ударила лодку въ среднюю часть съ такой силой, что форштевень парохода приподнялся и не ожидавшіе удара люди попадали. Лодка была подмята подъ судно и больше не появлялась, но море покрылось масломъ и обломками. Несмотря на это, «Марія» описала циркуляцію и сбросила на мѣстѣ столкновенія нѣсколько противолодочныхъ бомбъ. Потопленная лодка вѣроятно была маленькій «Сомъ» (лейт. Сташевскій), погибшій со всѣмъ экипажемъ въ районѣ Оландсъ-Гафа. Черезъ сутки послѣ этого случая, въ 5-ти миляхъ отъ острова Борн-

гольмъ «Маріи» удалось застигнуть врасплохъ англійскую подводную лодку «Е18», занятую осмотромъ датскаго парохода. Съ разстоянія 500 метровъ, ловушка открыла губительный огонь изъ своихъ 105mm орудій. Команда лодки бросилась к орудіямъ, но градъ нѣмецкихъ снарядовъ осыпалъ лодку и, въ дыму и пламени взрывовъ, сильно накренившись, она пошла на дно. Никто изъ экипажа, включая офицера для связи, лейтенанта Поликарпова и русскаго сигнальщика и радіста, спасенъ не былъ[7].

За гибель «Сома», нашъ I-ый дивизіонъ миноносцевъ, отомстилъ при налетѣ на нѣмецкій караванъ у Ландсорта 13-го іюня 1916-го года, потопивъ собрата «Маріи» — ловушку «Н» («Herman»). Сама же «Марія» была потоплена 2-го ноября 1917-го года англійскими миноносцами въ Каттегатѣ.

Съ конца іюля 1916-го года, возможно въ связи съ начавшейся массовой эвакуаціей англійскихъ пароходовъ, нѣмецкое командованіе, въ поискахъ уязвимаго мѣста этого длиннаго пути, начало систематическую посылку подводныхъ лодокъ въ Ботническій заливъ. Несмотря на противодѣйствіе русскихъ миноносцевъ Або-Аландскаго отряда, имъ здѣсь удалось добиться извѣстнаго результата. За 1916-ый и 1917-ый года подводныя лодки потопили въ Ботническомъ заливѣ 22 шведскихъ и 13 русскихъ и финскихъ судовъ и захватили 5 шведскихъ. Правда, въ большинствѣ это были пароходы малаго тоннажа и парусники. Стоявшій въ Якобштадтѣ бельгійскій пароходъ «Vrijhandel» былъ поврежденъ торпедой. Кромѣ того, подводныя лодки совершили въ Ботническомъ заливѣ пять минныхъ операцій, разбрасывая свои мины единицами или маленькими цѣпочками у финскаго берега на фарватерахъ. На этихъ минахъ, не считая пяти пароходовъ, погибъ миноносецъ «Бдительный», два катерныхъ тральщика типа «МТ» и одинъ того же типа былъ поврежденъ. Во время этихъ операцій, нѣмцы потеряли подводную лодку «UC57».

Эвакуація англійскихъ пароходовъ

Возможность пользоваться Когрундомъ, позволила провести большую операцію вывода изъ Балтійскаго моря застигнутыхъ тамъ войной союзныхъ пароходовъ. Около сотни англійскихъ и шесть бельгійскихъ находились, почти всѣ, въ русскихъ портахъ. Ощущая недостатокъ тоннажа на океанскихъ путяхъ, въ 1916-омъ году англійское правительство, основываясь на томъ, что большинство пароходовъ стояло безъ дѣла, сообщило русскимъ властямъ свое желаніе ихъ вывести въ Сѣверное море и просило со-

[7] Описаніе гибели двухъ подводныхъ лодокъ сдѣлано по книгѣ ст. лейт. Лаутербахъ, командира судна «К.».

дѣйствія въ этой операціи. Русское правительство, поставивъ условіемъ, что 10 союзныхъ пароходовъ будутъ предоставлены до окончанія войны нашему Балтійскому флоту, пошло навстречу этой просьбѣ.

Для проведенія операціи, пароходы были реквизированы своими правительствами. Бельгійскій «Королева Елизабет» и девять англійскихъ[8], изъ болѣе старыхъ, были предоставлены Русскому правительству, которое прикомандировало ихъ къ Транспортной флотиліи Балтійскаго флота. Всей операціей вывода судовъ завѣдывалъ присланный въ Россію представитель англійскаго адмиралтейства, но въ тактическомъ смыслѣ, до территоріальныхъ водъ Швеціи, пароходы подчинялись русскому командованію, которое было отвѣтственно за ихъ благополучное плаваніе по протраленнымъ фарватерамъ и шхерамъ, и когда это требовало военное положеніе, они шли подъ конвоемъ русскихъ судовъ. Русское правительство снабжало пароходы углемъ и всѣмъ необходимымъ для перехода. Насколько позволяла осадка, частично пароходы брали въ Финляндіи грузъ лѣса и были также отправки цемента; иные шли въ балластѣ и грузились лишь въ портахъ южной Норвегіи.

Первые три англійскихъ парохода покинули Балтійское море уже въ іюнѣ 1915-го года. «F. D. Lambert» подвергся преслѣдованію нѣмецкаго миноносца и уходя отъ него, сѣлъ на мель у порта Ахусъ. Шведскій миноносецъ «Касторъ», заставилъ нѣмца удалиться и пароходъ, снявшись съ мели, прошелъ далѣе безъ инцидентовъ «Gitano» и «Ryde», послѣдній въ 3556 брутто тоннъ, прошли въ Англію безъ приключеній. Но ушедшій послѣ нихъ изъ Карлскроны бельгійскій пароходъ «Амбиориксъ», подвергся преслѣдованію внутри Зунда и 13-го августа 1915 г. былъ захваченъ миноносцемъ «Г132» у Ландскроны, гдѣ имѣется узкая полоса воды, отстоящая болѣе трехъ миль отъ береговъ. Все же, принимая во вниманіе протесты Швеціи, послѣ годового срока, нѣмецкій призовой судъ призналъ захватъ парохода неправильнымъ и онъ былъ отпущенъ. 16-го сентября, немного южнѣе того же мѣста, «Г134» приказалъ проходившему англійскому пароходу «Тельма» остановиться, но пароходъ положилъ руль на бортъ и оказался въ территоріальныхъ водахъ. На сопровождавшемъ пароходъ шведскомъ миноносцѣ «Поллуксъ», команда была вызвана къ орудіямъ и его командиръ крикнулъ нѣмецкому коллегѣ: «буду защищать неприкосновенность территоріальныхъ водъ во что бы то ни стало!».

Но массовый уходъ англійскихъ пароходовъ произошелъ лишь въ іюнѣ-іюлѣ 1916-го года. За одинъ мѣсяцъ 29 пароходовъ безъ

---

[8] Не считая «Serbino», потопленнаго въ 1915-омъ году и «Kennett» потопленнаго въ 1916-омъ. Вѣроятно они на русской службѣ не состояли.

серіозныхъ инцидентовъ, вышли въ Сѣверное море. Это число равнялось количеству англійскихъ пароходовъ, потопленныхъ въ іюлѣ 1916-го года нѣмецкими подводными лодками и свело на нѣтъ мѣсячные усилія нѣмцевъ по уничтоженію союзнаго тоннажа!

Констатируя такое положеніе, нѣмецкое правительство адресовало Швеціи энергичную ноту протеста, обвиняя ее въ оказаніи помощи для стратегической переброски транспортныхъ судовъ военного флота воюющей державы, которыми, по мнѣнію Германіи, являлись реквизированные англійскимъ адмиралтействомъ пароходы. Помощь эта являлась въ предоставленіи шедшаго по территоріальнымъ водамъ Швеціи фарватера, въ которомъ пароходы, въ общей сложности, оставались болѣе 24-хъ часовъ. Швеція была принуждена согласиться съ этой аргументаціей и 29-го іюля 1916-го года шведскій флотъ поставилъ въ Когрундѣ минное загражденіе. Столь успѣшно начатая операція была прекращена и слово перешло къ союзной дипломатіи.

Лишь послѣ годовыхъ усилій, въ которыхъ выступленіе Соединенныхъ Штатовъ на сторонѣ Антанты сыграло извѣстную роль, дипломатамъ удалось добиться открытія навигаціи въ Когрундѣ. Съ мая 1917-го года, предназначенные для вывода пароходы начали переходить въ Ботническій заливъ. Въ теченіи 1917-го года 52 англійскихъ и 4 бельгійскихъ парохода благополучно вышли въ Сѣверное море. Для отвода глазъ, нѣкоторые поднимали шведскіе флаги, а бельгійскій пароходъ «Vrijhandel» ушелъ въ августѣ со шведскимъ экипажемъ, тогда какъ его команда была отправлена по желѣзнымъ дорогамъ въ Осло. Не считая пароходовъ потопленныхъ уже въ Сѣверномъ морѣ, союзники потеряли лишь два англійскихъ парохода, «Penpol» и «Meggie», захваченныхъ въ іюнѣ подводной лодкой «УС57», при пересѣченіи ими Ботническаго залива.

Въ заключеніе можно отмѣтить, что, несмотря на усилія военнаго и дипломатическаго характера Германіи, черезъ Балтійскіе проливы благополучно прошли: 5 англійскихъ подводныхъ лодокъ, 10 пріобрѣтенныхъ для Балтійскаго флота судовъ и около 90 союзныхъ пароходовъ, не считая многочисленныхъ шведскихъ судовъ, провозившихъ въ обѣ стороны контрабандные грузы.

Г. М. Веселаго.

НѢСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВЪ ИЗЪ МОЕЙ СЛУЖБЫ ВЪ ЧЕРНОМОРСКОМЪ ФЛОТѢ, 1915-17 гг.

(Окончаніе)

26-го ноября того же 1916 года, я вступилъ въ командованіе эск. мин. «Жаркій» и въ теченіи первой недѣли служилъ артиллерійской поддержкой морскимъ пѣхотнымъ войскамъ дивизіи, командуемой Св. Его Величества контръ-адмираломъ Веселкинымъ, которые обороняли нижнее теченіе Дуная. Около 1 декабря былъ вызванъ въ Севастополь для разработки еще одной минной постановки, на этотъ разъ внутри Босфора. Эта операція была выполнена въ ночь съ 5-го на 6-ое декабря подъ командой кап. 2 р. Николя, флагманскаго миннаго офицера Шт. К-щаго Черн. Флотомъ, который поднялъ свой брейдъ-вымпелъ начальника отряда особаго назначенія на «Жаркомъ». Вторымъ миноносцемъ, ставившимъ мины былъ «Живой».

Ввиду того, что на палубахъ этихъ миноносцевъ помѣщалось всего 12 минъ, то Командующій флотомъ, вице-адмиралъ Колчакъ, приказалъ повторить съ ними, въ измѣненномъ видѣ, способъ впервые выработанный въ операціи съ Т-234, а именно: погрузить 48 дополнительныхъ минъ на миноносецъ типа «Пылкій», который долженъ былъ держаться миляхъ въ пяти отъ устья Босфора, пока «Жаркій» и «Живой» ставятъ свои мины, и дважды въ теченіи той же ночи перегрузить на нихъ дополнительные комплекты минъ для повторныхъ постановокъ.

За сутки или за-двое до выхода изъ Севастополя для этой операціи, была произведена ночная репетиція перегрузки минъ миляхъ въ 20 отъ Севастополя, а 4-го декабря эск. миноносцы «Жаркій», «Живой» и «Пылкій» вышли къ Босфору.

Къ проливу приблизились въ штиль, въ полной темнотѣ, около полуночи. Ночь была безлунная, но звѣздная. Благодаря ясной погодѣ отрядъ вышелъ въ точку на заранѣе намѣченную позицію въ пяти миляхъ отъ устья пролива по линіи его оси. «Пылкій» стравилъ якорь на панеръ, чтобы его не снесло съ позиціи, и машинами развернулся кормой къ Босфору, «Жаркій» же и «Живой» пошли 12-ти узловымъ ходомъ къ устью поверхъ 18-ти футоваго

миннаго поля, поставленнаго еще въ началѣ войны, и въ обходъ у самаго берега 12-ти футоваго поля, поставленнаго Т-234 въ октябрѣ 1916 г. между входными мысами. Дабы при постановкѣ минъ въ глубинѣ устья не было бы дыма (на маломъ ходу «Жаркій» и «Живой» могли жечь только уголь), который могъ бы выдать присутствіе миноносцевъ, всѣ котлы нагнали запасъ пара, а когда миноносцы, сбавивъ ходъ до 9-ти узловъ, подошли, примѣрно, на милю отъ берега, то топки были закрыты и машины работали на аккумулированномъ пару.

Самая постановка производилась въ строѣ пеленга, подъ угломъ градусовъ въ 45 ко входнымъ курсамъ, на шести узловомъ ходу. «Живой» шелъ мористѣе, саженей въ 30-ти отъ «Жаркаго». Благодаря малому ходу всплески отъ минъ и волна отъ миноносцевъ были уменьшены до крайней возможности, что было важно ввиду штиля и сильной фосфорисцензіи воды, а также ввиду близости берега. Начальная точка была въ двухъ или трехъ кабельтовыхъ отъ западнаго мыса и настолько южнѣе створа обоихъ входныхъ мысовъ, что опредѣленія производились съ большой точностью по тремъ пеленгамъ этихъ мысовъ и горнаго сѣдла въ глубинѣ Босфора.

Мины ставились одновременно съ обоихъ миноносцевъ, съ полуминутнымъ промежуткомъ (300 футовъ) съ каждаго, такъ что самая постановка длилась пять съ половиной минутъ, послѣ чего ходъ былъ прибавленъ до 9-ти узловъ, а отойдя съ милю, начали подбрасывать уголь въ топки и увеличили ходъ до 12-ти узловъ. Такимъ образомъ, аккумулированнаго пара хватало на 20 или 25 минутъ 6-ти и 9-ти узлового хода.

Моментъ, когда «Жаркій» и «Живой» должны были вернуться къ «Пылкому» былъ заранѣе разсчитанъ (приблизительно черезъ часъ послѣ ихъ ухода на постановку), и за нѣсколько минутъ до истеченія срока, «Пылкій» открывалъ съ мостика слабый зеленый семафорный огонь, направленный на корму, параллельно діаметральной плоскости, т. е. въ направленіи оси Босфора, откуда приближались «Жаркій» и «Живой». Миноносцы вышли на «Пылкій» безъ затрудненія; обнаруживъ его, они раздѣлились по обѣ стороны его, описали циркуляцію на 180^0 и одновременно подошли вдоль его бортовъ, съ носа. При этомъ, чтобы не терять времени, было существенно обоимъ миноносцамъ швартоваться совершенно одновременно, дабы, швартовясь, одинъ изъ нихъ не сбилъ бы «Пылкаго» съ предназначеннаго направленія и не помѣшалъ бы швартованію другого миноносца съ противуположной стороны.

Погрузка минъ производилась двумя кранами для минъ Уайтхэда «Пылкаго» (одинъ съ каждаго борта), расположенныхъ меж-

ду первой и второй трубами «Пылкаго», прямо на кормовые минные рельсы «Жаркаго» и «Живого», такъ что ихъ передніе мостики приходились у кормового орудія «Пылкаго», и миноносцы прилегали другъ къ другу по всей длинѣ прямой части ихъ корпусовъ, что обезпечивало ихъ взаимную неподвижность. Первое швартованіе и погрузка 12-ти минъ на каждый изъ миноносцевъ заняли приблизительно 25 минутъ.

Принявъ мины, «Жаркій» и «Живой» снова ушли въ устье Босфора. Подходя, опять нагнали паръ во всѣхъ четырехъ котлахъ, поставили второй комплектъ минъ идя на аккумулированномъ пару, въ центрѣ Босфорскаго устья и возвратились къ «Пылкому» за третьимъ комплектомъ. Къ этому времени, около половины третьяго по полуночи, задулъ сильный бризъ, разведшій мелкую волну, вслѣдствіи чего, какъ было заранѣе условлено, «Пылкій» развернулся и машинами держался кормой противъ вѣтра, дабы «Жаркому» и «Живому» было легче управляться, подходя къ нему съ подвѣтра. На этотъ разъ маневрированіе для одновременнаго подхода съ двухъ сторонъ и швартованіе заняло нѣсколько лишнихъ минутъ, но такъ же, какъ и въ первый разъ, прошло безъ затрудненій.

Опять погрузили по 12-ти минъ, и тѣмъ же порядкомъ, что и въ предъидущіе разы, поставили благополучно третью банку подъ восточнымъ входнымъ мысомъ.

Ко времени возвращенія «Жаркаго» и «Живого» къ «Пылкому», около половины четвертаго или четырехъ часовъ утра, этотъ послѣдній поднялъ якорь, присоединился къ отряду и, постепенно прибавляя ходъ до 20-ти узловъ, отрядъ отошелъ отъ берега и къ разсвѣту былъ внѣ видимости Босфорскихъ высотъ.

Съ конца декабря 1916 г. по мартъ 1917 года, командуя «Жаркимъ» я дѣйствовалъ на Дунаѣ, гдѣ подвергался почти ежедневнымъ нападеніямъ бомбами германскихъ аэроплановъ; конвоировалъ отряды транспортовъ между Дунаемъ и Одессой и участвовалъ въ блокадѣ болгарскаго побережья. Въ послѣднихъ числахъ февраля «Жаркій» и «Завидный» произвели подготовительную, къ намѣчавшейся высадкѣ, развѣдку, съ подробной съемкой побережья у Констанцы, закончивъ ее во всѣхъ деталяхъ, несмотря на упорныя атаки бомбами съ трехъ германскихъ аэроплановъ, сбросившихъ за два часа съ лишнимъ, 42 бомбы по «Жаркому» и 14 бомбъ по «Завидному». Ни тотъ, ни другой не имѣли противуаэропланныхъ орудій и избѣгали попаданій маневрированіемъ, въ то же время продолжая фотографированіе и съемку.

Долженъ сознаться, что я наслаждался маневрируя миноносецъ такъ, чтобы сбить съ толку германскихъ летчиковъ неожи-

данными перемѣнами хода и курса за нѣсколько секундъ до того, что они были въ положенiи сбросить бомбы съ надеждой на попаданiе. Я могъ предугадывать ихъ дѣйствiя съ легкостью, потому что еще при Эбергардѣ много леталъ съ лейт. В. Утгофомъ, считавшимся лучшимъ нашимъ летчикомъ, и практиковалъ бомбометанiе, а также и стрѣльбу изъ пулемета, по специальнымъ щитамъ, установленнымъ вблизи Севастополя. Дѣлалъ это я тогда, чтобы въ штабѣ былъ хоть одинъ офицеръ съ нѣкоторымъ, хотя бы минимальнымъ, пониманiемъ на основанiи личнаго опыта, что наши аэропланы могутъ и что не могутъ дѣлать.

Командующiй флотомъ, особымъ приказомъ, объявилъ «Жаркому» и «Завидному» благодарность за эту развѣдку «съ боемъ».

Первые два мѣсяца послѣ отреченiя Государя, порядокъ службы на «Жаркомъ» не нарушался. Но въ маѣ, когда «Жаркiй» вступилъ въ очередной ремонтъ въ Севастополѣ, и команда подверглась усиленной большевистской пропагандѣ, то скоро появилась тенденцiя вмѣшиваться въ область командованiя. Въ частности, выборные отъ команды потребовали установки противуаэропланной пушки, что можно было сдѣлать лишь снявъ одинъ изъ минныхъ аппаратовъ, чему я воспротивился. Въ результатѣ, въ началѣ iюня, команда окончательно вышла изъ повиновенiя и потребовала моей смѣны за «излишнюю храбрость». Командующiй флотомъ приказалъ «Жаркому» спустить флагъ и стать въ резервъ.

По отъѣздѣ вице-адмирала Колчака, я получилъ отпускъ, и въ ночь съ 11-ое на 12-ое iюля, съ командой изъ добровольцевъ, произвелъ, на быстроходномъ моторномъ катерѣ, развѣдку внутри Босфора.

Незадолго до этого похода, у устья Босфора, взорвался, едва успѣвъ начать постановку противоподлодочныхъ минъ, моторный баркасъ съ «Памяти Меркурiя». На основанiи разсказовъ нѣкоторыхъ, яко-бы, очевидцевъ, распространились слухи, что баркасъ былъ обстрѣлянъ непрiятельскимъ сторожевымъ судномъ, повидимимому, миноносцемъ. Изъ этого выводилось заключенiе, что впредь минныя постановки въ устьѣ Босфора невыполнимы.

Я очень подробно обсуждалъ эти обстоятельства съ Начальникомъ Развѣдывательнаго Отдѣленiя штаба Командующаго флотомъ, кап. I р. А. А. Нищенковымъ, который, какъ и я, полагалъ, что сторожевой миноносецъ былъ продуктомъ галлюцинацiй и считалъ, что этотъ мифъ слѣдуетъ разсѣять какъ можно скорѣе. Эти обсужденiя съ кап. I р. А. А. Нищенковымъ и послужили отправной точкой, какъ рѣшенiя Командующаго флотомъ произвести эту операцiю, такъ и моего участiя въ ней.

По началу, прорывъ въ Золотой Рогъ, и дальше, въ Средизем-

ное море входилъ въ основной планъ операціи, но былъ откинутъ, какъ практическое заданіе, когда контръ-адмиралъ Лукинъ, къ тому времени замѣстившій вице-адмирала Колчака, узналъ объ этомъ нашемъ намѣреніи и запретилъ постройку салазокъ подъ винтами моторнаго катера, безъ чего перескочить боновыя сѣти, по даннымъ Нищенкова, было невозможно. Контръ-адмиралъ Лукинъ основывалъ свое рѣшеніе технической сложностью и длительностью постройки салазокъ, въ то время какъ требовалось наискорѣйшее разъясненіе вопроса о присутствіи въ Босфорскомъ устьѣ сторожевого судна, и настаивалъ на ограниченіи задачи развѣдкой и атаки сего послѣдняго, въ случаѣ его обнаруженія. Однако, онъ все-же разрѣшилъ, въ случаѣ особой удачи, итти въ Константинополь для атаки одного изъ кораблей въ Золотомъ Рогѣ.

Въ согласіи съ этой директивой, операція, разработанная въ главныхъ чертахъ А. А. Нищенковымъ и мною, заключалась въ глубокой развѣдкѣ пролива на быстроходномъ моторномъ катерѣ, съ цѣлью выясненія, дѣйствительно ли Босфоръ сталъ охраняться сторожевымъ судномъ, и буде таковое окажется, то намѣчалось уничтожить его миной Уайтхэда, изъ аппарата, спеціально для этого установленнаго на катерѣ. Необнаруженіе-же его послѣ тщательнаго осмотра пролива дало бы возможность пресѣчь слухи, неблагопріятные для продолженія минныхъ постановокъ, съ прекращеніемъ которыхъ увеличивалась свобода дѣйствій «Бреслау» и подводныхъ лодокъ. Попутно съ этой главной задачей, мы должны были добыть наблюденіемъ подробныя свѣдѣнія о боновой защитѣ, о мѣстонахожденіи прожекторовъ и вообще о мѣрахъ охраны пролива. Кромѣ того, за нѣсколько дней до похода было рѣшено сбросить возможно глубже въ проливѣ сотню или двѣ бутылокъ съ прокламаціями на турецкомъ языкѣ, составленныхъ развѣдывательнымъ отдѣленіемъ штаба.

Мысль о прорывѣ за боны не была покинута вовсе, и мы были готовы воспользоваться возможными исключительно благопріятными для этого обстоятельствами, а именно: во-первыхъ, необнаруженіемъ катера до прорыва черезъ бонъ, что обезпечивало бы внезапность дѣйствій въ Золотомъ Рогѣ, и, во-вторыхъ, возможностью либо обойти бонъ, перерѣзавъ канаты крѣпившіе его къ берегу, либо пройти сквозь него, разведя боновые ворота.

Въ случаѣ удачи прорыва за бонъ, я намѣчалъ «Бреслау» или одну изъ подводныхъ лодокъ, скорѣе чѣмъ «Гебена», цѣлью нашей единственной мины, т. к. средства атаки, 15-ти дюймовая мина, была завѣдомо слишкомъ слаба для нанесенія серьезныхъ поврежденій «Гебену». Къ тому же, по свѣдѣніямъ нашей развѣдки, «Гебенъ» былъ тогда уже мало боеспособенъ изъ за ранѣе полученныхъ

пробоинъ и плохого состоянія котловъ, тогда какъ «Бреслау» и подводныя лодки могли снова начать дѣйствовать, ввиду уменьшившейся боеспособности Черноморскаго флота, разслабленнаго революціоннымъ броженіемъ.

Командиромъ катера назначенъ былъ я. Добровольцами со мною шли: лейт. И. И. Стеблинъ-Каменскій, мичманъ Б. М. Карпенко и Д. Селезневъ, и человѣкъ 6 матросовъ нормальнаго комплекта катера.

Въ безлунную ночь на 12-ое іюля, моторный катеръ, на буксирѣ миноносца «Дерзкій», былъ подведенъ къ миннымъ загражденіямъ, поставленнымъ передъ устьемъ Босфора, гдѣ, отдавъ буксиръ, катеръ пересѣкъ минное поле и, подходя къ проливу, уменьшилъ ходъ до 6 узловъ, чтобы не выдать себя шумомъ его трехъ моторовъ и буруномъ, который катеръ производилъ на большомъ ходу. Въ Босфорѣ не было ни волны, ни вѣтра, вода была какъ зеркало. Въ полной темнотѣ катеръ продвигался впередъ и примѣрно черезъ три четверти часа достигъ бона, находившагося миляхъ въ 5-ти отъ устья. Въ этотъ моментъ зажегся входной прожекторъ съ азіатскаго берега и началъ свѣтить въ направленіи поперекъ Босфора. Почти что одновременно зажглись еще три прожектора, но они были слабѣе перваго и свѣтили мористѣе его. Стало ясно, что наше присутствіе было обнаружено, что попытка перескочить бонъ была немыслима и оставалось только прорываться обратно, въ Черное море. Такъ какъ катеръ еще не былъ открытъ лучемъ прожектора, который, ища катеръ, то поднимался по Босфору, то снова возвращался обратно, то я подошелъ вплотную къ азіатскому берегу и самымъ малымъ ходомъ сталъ спускаться по Босфору. Каждый разъ, когда лучъ ищущаго насъ прожектора приближался къ катеру, мы, по заранѣе обработанному плану, не только стопорили машины, но, застопоривъ ихъ, и двигаясь по инерціи, поворачивались носомъ на прожекторъ, а кормой къ ближайшему берегу, подставляя лучу наименьшую площадь неподвижнаго силуэта катера, къ тому же, со стороны его острыхъ обводовъ, что уменьшало его видимость до возможнаго минимума. Нѣсколько разъ катеръ попадалъ въ лучи прожектора, но благодаря этому маневру, былъ обнаруженъ лишь пройдя полъ-пути до устья, когда попалъ одновременно подъ лучи нѣсколькихъ прожекторовъ. Сразу же нѣсколько береговыхъ батарей открыли огонь по катеру. Снаряды ложились близко и осколки барабанили по палубѣ. Давъ полный ходъ моторамъ, я 24-хъ узловымъ ходомъ направился къ выходу и черезъ нѣсколько минутъ пробѣжалъ разстояніе, отдѣлявшее меня отъ моря. Лучи прожекторовъ постепенно потеряли катеръ изъ виду, стрѣльба прекратилась и выйдя въ Черное море катеръ, около 3 часовъ ночи, подошелъ къ ожидав-

шему его миноносцу. Прямыхъ попаданій въ катеръ не было, но осколками бортъ былъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Главная цѣль нашей операціи была достигнута — было выяснено, что въ устьѣ Босфора сторожевого судна не существовало.

Эта развѣдка съ боемъ была моей «лебединой пѣсней» въ Черномъ морѣ, и, подобно нѣкоторымъ гражданамъ древнихъ Афинъ, «подвергшись остракизму» разбунтовавшейся толпы, я «отправился путешествовать».

Произведенъ въ лейтенанты по линіи въ 1915 году:

Орденъ Св. Станислава 3-ей степени за работы въ Транспортной флотиліи въ томъ же году.

Орденъ Св. Анны 3-ей степени съ мечами и бантомъ за докладъ о высадкѣ союзниковъ въ Дарданеллахъ, ибо былъ подъ обстрѣломъ, знакомясь съ побережьемъ, на которомъ они высаживались, и т. п.

Орденъ Св. Станислава 2-ой степени съ мечами за службу при наступленіи на Трапезундъ, ибо тоже былъ подъ огнемъ неоднократно.

Орденъ Св. Владиміра 4-ой степени съ мечами и бантомъ за развѣдку на «Нерпѣ» и участіе въ минной постановкѣ на «Дерзкомъ».

Георгіевское Оружіе за минныя постановки на Т-234.

Произведенъ въ старшіе лейтенанты «за боевыя отличія» за дѣйствія «Жаркаго».

Представленъ къ Ордену Св. Георгія 4-ой степени за развѣдку на моторномъ катерѣ въ Босфорѣ, но черезъ кап. 1 р. Китицына, который былъ членомъ Георгіевской Думы, отклонилъ эту честь до тѣхъ поръ, пока результаты оной развѣдки не будутъ использованы, чему помѣшалъ развалъ флота.

А. В. Кованько

НА «ВАРЯГѢ» ВЪ ПЕРСИДСКОМЪ ЗАЛИВѢ ВЪ 1901 ГОДУ

Изъ воспоминанiй капитана I ранга А. В. Кованько

(Окончанiе)

Приказавъ установить пюпитры — «кульпетры» — на терассѣ и приготовить ноты съ иностранными гимнами, я далъ людямъ время покурить и отдохнуть, предупредивъ ихъ, что, когда начнется прiемъ, и будутъ подъѣзжать консула разныхъ нацiй, я буду кричать, изъ гостиной, какой гимнъ играть. Для персовъ я приказалъ играть персидскiй маршъ, и какъ можно громче, такъ какъ не имѣлъ понятiя о ихъ гимнѣ, и полагалъ что они все равно не разберутъ.

Въ назначенное время въ гостинную вошелъ нашъ консулъ въ полной парадной формѣ, поднялъ меня съ дивана, на которомъ я задремалъ и предложилъ мнѣ опять облачиться въ мундиръ. Когда я это исполнилъ, то онъ вдругъ принялъ важный и оффицiальный видъ и поздравилъ меня съ высокоторжественнымъ днемъ. Послѣ этого я чинно усѣлся и сталъ ждать, что будетъ дальше. Такъ какъ, разумѣется, я не зналъ никого изъ другихъ консуловъ, то было условлено, что Авсѣенко будетъ мнѣ говорить какой страны консулъ будетъ подъѣзжать, чтобы, одновременно съ его появленiемъ, музыканты играли соотвѣтствующiй гимнъ, а затѣмъ, сейчасъ-же, «Боже Царя Храни».

Такъ оно и пошло. Первымъ прiѣхалъ французъ, затѣмъ голландецъ, потомъ бельгiецъ, потомъ «лакей персидскаго губернатора», при такой адской жарѣ въ томъ же тепломъ армякѣ, барашковой шапкѣ и галошахъ — и, наконецъ, подъѣхалъ англiйскiй консулъ. Это была картина. Всѣ другiе консула подъѣзжали на приличныхъ, но не роскошныхъ экипажахъ, съ кавасами на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Англичанинъ прiѣхалъ въ чудномъ, запряженномъ великолѣпными конями экипажѣ, окруженномъ конвоемъ изъ бенгальскихъ уланъ. Кто, когда-нибудь, видѣлъ этихъ солдатъ, то навѣрное сохранилъ о нихъ неизгладимую память. Роскошно одѣтые, рослые красавцы съ большими, черными, съ синимъ отливомъ, бородами, расчесанными на двое, въ тюрбанахъ съ перомъ на головахъ, сидящихъ на дивныхъ коняхъ, держа въ рукахъ

пики съ флажками, они произвели на персовъ, да не только на нихъ, потрясающій эффектъ. Умѣютъ англичане бить на воображеніе восточныхъ народовъ.

Знаменитый персидскій босой почетный караулъ, передъ домомъ, уставалъ отдавать почести.

Съ музыкантами дѣло обстояло удовлетворительно. Только разъ перепутали и голландцу сыграли «Марсельезу» вмѣсто его національнаго гимна. Но, что подѣлаешь. На свѣтѣ всяко бываетъ и голландецъ не выразилъ никакой претензіи. Въ самомъ концѣ пріема, въ гостинную вошелъ какой-то карликъ, въ громадной, барашковой шапкѣ, во фракѣ съ большимъ вырѣзомъ на груди для крахмальной манишки, которая, вмѣсто бѣлоснѣжной, была совершенно сѣрая отъ грязи и вся въ пятнахъ. Брюки были, почему-то, вправлены въ изодранные ботинки.

Что такое? Что это за типъ? Онъ подошелъ къ Авсѣенко, музыка гремитъ персидскій маршъ. Консулъ знакомитъ меня съ нимъ и мы всѣ ведемъ разговоръ на французскомъ языкѣ.

Когда онъ уѣхалъ, я спросилъ консула, кто это такой? «А это», — отвѣчаетъ мнѣ Авсѣенко, — «чиновникъ при бывшемъ губернаторѣ, оставшійся и при его замѣстителѣ-лакеѣ. Офиціальный его титулъ — «Пробка власти». — Когда, гдѣ-нибудь, при сношеніяхъ съ иностранными консулами появляется заминка — на восточномъ, образномъ языкѣ — «дыра» — то этотъ господинъ, со своими дипломатическими способностями, долженъ все уладить и эту «дыру» заткнуть. Оттого и титулъ».

Наконецъ пріемъ кончился. Консулъ снялъ мундиръ и предложилъ мнѣ разоблачиться. Музыкантамъ дали прохладительныхъ напитковъ, но они скромно отказались, попросивъ, если возможно, выдать имъ рому, такъ какъ, отъ напряженной игры они нѣсколько потеряли «амбушюръ», а имъ нужно еще играть вечеромъ, во время обѣда. Консулъ вопросительно посмотрѣлъ на меня. Я, зная своихъ людей, отвѣтилъ, что это совершенно необходимо, для поднятія ихъ агрессивнаго духа въ борьбѣ съ инструментами — но только просилъ, чтобы много не давали, т. к. они могутъ до того озвѣрѣть, что борьба кончится полнымъ пораженіемъ ихъ инструментовъ. И, дѣйствительно, что такое Рогулеву, и ему подобнымъ, какой-то лимонадъ — ромъ или коньякъ другое дѣло. Всякій уважающій себя въ то время русскій матросъ такъ смотрѣлъ на это дѣло. Да и не только матросы, но и мы, офицеры, также придерживались этого мнѣнія.

Время въ ожиданіи обѣда прошло въ полномъ «фаръ ниентѣ». Наконецъ консулъ предложилъ мнѣ одѣть мундиръ, такъ какъ ожидался пріѣздъ гостей, нашего командира и офицеровъ. И дѣй-

ствительно, когда совершенно уже стемнѣло, прибыли съ крейсера приглашенные, а вскорѣ и персидскіе сановники.

Всѣ спустились внизъ, въ столовую, гдѣ насъ ждалъ прекрасно накрытый столъ. На предсѣдательское мѣсто сѣлъ Авсѣенко, по правую руку «лакей-губернаторъ», по лѣвую нашъ командиръ. Рядомъ съ нимъ «пробка власти», потомъ я и другіе наши офицеры. Противъ насъ генералъ, командующій несуществующими войсками, рядомъ съ нимъ нашъ старшій судовой врачъ, потомъ еще какой-то персъ и другіе наши офицеры.

Музыканты были на своихъ мѣстахъ въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи и съ прекраснымъ амбушюромъ.

Былъ рамазанъ и «лакей-губернаторъ», какъ правовѣрный магометанинъ, ничего не пилъ. «Пробка власти» — пилъ водку, не рюмками, а стаканами, и все не пьянѣлъ. Пилъ онъ водку, говоря, что ему, как магометанину, можно ее пить, такъ какъ это не вино, а огненная вода, что не запрещено кораномъ. Генералъ, отлично одѣтый въ какую-то фантастическую форму, водки не пилъ, а поглощалъ одно только шампанское и разговаривалъ на отличномъ французскомъ языкѣ съ нашимъ докторомъ. Тутъ мнѣ пришлось слышать мелькомъ часть ихъ разговора. Докторъ его спросилъ, много ли у него войскъ? На это генералъ отвѣтилъ, что очень много, но сейчасъ ихъ нѣтъ въ городѣ, такъ какъ они на войнѣ. На вопросъ доктора, съ кѣмъ же война, генералъ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта, указывая, что солдаты, вообще, существуютъ чтобы воевать — вотъ они и на войнѣ. Разсужденіе было правильное, но дѣло обстояло проще. Солдатъ у него вовсе не было, а деньги на ихъ содержаніе онъ клалъ себѣ въ карманъ.

Замѣчательно то, что во время обѣда, никто изъ персовъ не обмолвился между собою, ни одним словомъ. «Губернаторъ-лакей» немного говорилъ съ консуломъ и держалъ себя очень прилично; «пробка власти» пилъ водку стаканъ за стаканомъ и молчалъ, какъ убитый; генералъ пилъ шампанское, говоря что коранъ устарѣлъ и, для образованныхъ людей, какъ, напримѣръ, онъ, не имѣетъ никакого значенія. Болталъ онъ безъ умолку съ докторомъ, разсказывая про свою жизнь въ Парижѣ, и при этомъ неистово вралъ, не подозрѣвая, что его собесѣдникъ прекрасно знаетъ этотъ городъ.

Все шло пока, болѣе или менѣе, прилично. Наконецъ «лакей-губернаторъ», выпивъ кофе, всталъ и откланялся консулу. Генералъ и «пробка власти» остались. «Пробка власти» все еще не захмѣлѣлъ, выпивъ столько стакановъ водки. Пилъ онъ ее не залпомъ, какъ это дѣлаемъ мы, русскіе, а маленькими глотками, какъ воду. Прямо пьяница изъ пьяницъ. Я продолжалъ подливать ему водку, а самъ пилъ шампанское, и уже начиналъ чувствовать себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ, какъ вдругъ «пробка власти» положилъ

локти на столъ и поникъ головой въ тарелку. Консулъ улыбнулся, видимо, привыкнувъ къ подобному обороту дѣла съ «пробкой» и сдѣлалъ какой-то знакъ своей прислугѣ. Тѣ подошли, взяли его тихонько на руки, какъ ребенка, и понесли къ выходу изъ дома.

Не совсѣмъ твердой поступью я пошелъ его провожать. Подойдя къ выходу, гдѣ было темно и нигдѣ, конечно, ни одного фонаря, я увидѣлъ что изъ-за угла подходитъ толпа персовъ — одни держатъ что-то вродѣ паланкина, а другіе огромные, вродѣ китайскихъ, бумажные фонари на длинныхъ шестахъ. Всѣ они почтительно остановились у перрона, ожидая своего повелителя и низко склонились, когда его, почти безъ чувствъ, уложили въ паланкинъ. Какъ только это было сдѣлано, все шествіе торжественно направилось къ его дому. Откуда-то появился большой барабанъ, бубенъ, свистульки, и подъ эту адскую музыку, его отнесли къ себѣ.

Вернувшись обратно въ столовую, я увидѣлъ генерала въ разстегнутомъ мундирѣ отчаянно отжаривающимъ канканъ, подъ персидскій маршъ, который съ громаднымъ подъемомъ и энергіей трубили наши музыканты. Что было дальше, я не помню. Проснулся я, на другое утро, въ постели, въ одной изъ комнатъ консула. Рядомъ со мною, на другихъ кроватяхъ, мирно почивали нѣсколько моихъ товарищей-соплавателей. Командиръ и старшій врачъ поздно вечеромъ вернулись на крейсеръ, на ожидавшемъ ихъ катерѣ. Какъ попали обратно на «Варягѣ» лихіе музыканты, я въ то время не имѣлъ представленія.

Такъ закончился этотъ день празднованія 6-го декабря. Вернувшись со своими соплавателями около полудня на крейсеръ, и получивши соотвѣтствующій разносъ, мы узнали, что вечеромъ къ намъ прибудетъ Авсѣенко, съ которымъ мы пойдемъ сначала въ Лингу, расположенный недалеко отъ Бушира, маленькій приморскій городокъ безъ всякаго значенія, но, навѣрное, тамъ были недалеко нефтяные источники — а потомъ, черезъ заливъ, на арабскій берегъ въ Ковейтъ.

Въ положенное время мы снялись съ якоря и пошли вдоль елееле видимаго берега, то низменнаго, то гористаго, насколько можно было различить въ бинокль, безъ всякой растительности. Приблизившись къ берегу, можно было отчетливо видѣть мѣдно-красныя горы съ полуразрушенными старыми генуэзскими, зубчатыми, крѣпостными башнями и надписями на латинскомъ языкѣ. Сколько лѣтъ прошло со времени владычества этихъ морскихъ завоевателей, и все-же сохранились памятники ихъ побѣдъ въ этихъ мѣстахъ. Невольно удивляешься, как они сюда добрались изъ Средиземнаго моря. Тогда Суэцкаго канала и въ поминѣ не было, и имъ приходилось, на своихъ утлыхъ, парусныхъ суденышкахъ, огибать всю Африку кругомъ мыса Доброй Надежды. И это они дѣлали —

памятники на лицо. Всякія имена выбиты на окружающихъ красноватыхъ скалахъ.

Мы подошли къ Лингѣ. Это оказался маленькій, бѣдный городокъ и нѣсколько тощихъ финиковыхъ пальмъ. Только мы стали приближаться къ берегу, как намъ навстрѣчу вышло масса шлюпокъ, полныхъ народомъ. Когда мы стали на якорь, всѣ эти шлюпки пристали къ нашему борту. Насъ удивило, что всѣ они имѣли съ собой какіе-то сосуды, кувшины, ведра и т. п.

Когда имъ разрѣшили подняться на палубу, то они всѣ вылѣзли со своими сосудами. Они начали что-то орать, становиться на колени съ мольбой складывая руки надъ головой. Вышедшій наверхъ, консулъ перевелъ командиру, что всѣ эти несчастные страдаютъ отъ жажды и пришли просить воды.

Оказывается, что въ городѣ и въ окрестностяхъ никакихъ источниковъ прѣсной воды нѣтъ, а весь запасъ питьевой воды, нужной для населенія, сохраняется въ огромныхъ, въ древнія времена построенныхъ, каменныхъ бассейнахъ, которые наполняются во время опредѣленнаго дождливаго сезона. Сезонъ этотъ запоздалъ, воды почти нѣтъ — и, если въ скоромъ времени не пойдутъ дожди, то все населеніе погибнетъ отъ жажды. Слава Богу, у насъ на борту были свои опрѣснители и большой запасъ прѣсной воды, который мы могли всегда пополнить судовыми средствами. Видя такой ужасъ, командиръ приказалъ старшему офицеру и механику, дать этимъ несчастнымъ, все то количество прѣсной питьевой воды, которое мы въ состояніи были дать, безъ ущерба для корабля.

Нужно видѣть радость этихъ несчастныхъ, когда имъ начали раздавать воду. Благодарности ихъ не было конца — у многихъ, на глазахъ стояли слезы, особенно у женщинъ. Постоявъ немного на якорѣ, и окончивъ раздачу воды, мы снялись съ якоря и пошли черезъ заливъ на арабскую сторону, въ Ковейтъ, съ визитомъ и за свѣдѣніями къ тамошнему шейху.

Ковейтъ расположенъ въ нордъ-вестовомъ углу залива и, владѣнія шейха граничили съ Мессопотаміей, въ то время, принадлежавшей Турціи. Придя туда на другое утро по желтой водѣ залива съ плавающими большими, желтыми-же змѣями, мы встали на якорь сравнительно недалеко отъ берега, въ виду города. Даже городомъ его назвать было трудно — сплошныя хижины изъ глины, покрытыя камышемъ. Грязь, вонь... Одинъ только, болѣе или менѣе приличный домъ, это дворецъ шейха. Мы не салютовали, т. к. Авсѣенко сказалъ, что никакой артиллеріи у шейха нѣтъ, и отвѣта онъ намъ дать не можетъ.

По постановкѣ на якорь, командиръ и консулъ поѣхали на берегъ съ визитомъ къ мѣстному монарху. Вернувшись обратно, они

намъ разсказали, что самого шейха они не видѣли, т. к. онъ находится, приблизительно, въ сорока верстахъ отъ города, въ оазисѣ, среди пустыни, со своими войсками, такъ какъ находится, въ такъ называемой, войнѣ съ Турціей. Если мы хотимъ, то его сынъ, очень приличный молодой человѣкъ, одѣтый по-европейски и, получившій образованіе въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ въ Индіи, предлагаетъ намъ отправиться къ нему въ оазисъ на лошадяхъ, мулахъ или верблюдахъ, подъ конвоемъ его арабовъ. При этомъ командиръ сказалъ, что самъ онъ не поѣдетъ, и предлагаетъ старшему офицеру его замѣнить въ этой поѣздкѣ и сопровождать консула, который имѣетъ къ шейху какое-то дипломатическое порученіе. Одновременно, командиръ предложилъ желающимъ офицерамъ, не боящихся такой длинной поѣздки на спинахъ разныхъ животныхъ, принять участіе въ этой поѣздкѣ.

Кромѣ старшаго офицера, желающихъ оказалось не много. Ревизоръ, я и еще одинъ мичманъ, моложе меня — всего, значитъ, 4 человѣка, плюсъ Авсѣенко.

Рѣшено было забрать съ собой корзину съ провизіей и подкрѣпляющими напитками. Жара стояла убійственная.

На другое утро, къ назначенному сроку, мы всѣ были готовы, въ высокихъ сапогахъ — настоящіе морскіе горе-кавалеристы — и на этотъ разъ, въ бѣлыхъ кителяхъ. Особенно имѣлъ лихой и задорный видъ нашъ ревизоръ, такъ неудачно познакомившійся съ арабскимъ конемъ въ Маскатѣ. Вышелъ Авсѣенко и мы всѣ отправились на гребномъ катерѣ на берегъ

Высадка произошла совершенно тѣмъ же способомъ, какъ и въ Маскатѣ, т. е. на спинахъ негритосовъ. Высадились благополучно, но въ попыхахъ, когда садились на плечи этихъ геркулесовъ, забыли на катерѣ наши корзины, что, съ горечью потомъ вспоминали въ пустынѣ.

Мы пришли во дворецъ, къ сыну шейха. Это былъ очень приличный молодой человѣкъ, красивый арабъ, воспитанный и прекрасно говорившій по-англійски. Мы познакомились и онъ сказалъ намъ, что все готово къ нашему отъѣзду. Поблагодаривъ его, мы вышли съ нимъ изъ дворца. Передъ крыльцомъ стояли осѣдланныя, арабскія лошади, мулы и верблюды. Намъ предложили выбирать, что хотимъ. Старшой выбралъ чуднаго арабскаго жеребца, и съ помощью арабовъ, сѣлъ въ сѣдло. Авсѣенко выбралъ богато убраннаго мула, ревизоръ таковое же животное; я — скромную, сѣрую лошадку и мой соплаватель, мичманъ — верблюда. Послѣ старшого, на мула взгромоздился консулъ, затѣмъ, на своего, ревизоръ, я на свою лошадку — оставалась очередь за мичманомъ. Его одногорбый верблюдъ былъ очень высокій, хотя это было незамѣтно, т. к. онъ лежалъ на пескѣ. Проводникъ, арабъ, показалъ

мичману, что надо сѣсть прямо въ сѣдло. Тотъ перекинулъ ноги и усѣлся съ побѣдоноснымъ видомъ. Только-только онъ это сдѣлалъ, какъ проводникъ что-то приказалъ верблюду. Тотъ рѣзко поднялся на заднія ноги, отчего мичманъ съ силой ткнулся впередъ и ударился грудью въ высокую, острую, переднюю луку верблюжьяго сѣдла. Сейчасъ же послѣ этого, верблюдъ поднялся на переднія ноги. Мичмана съ силой откинуло назадъ, и повторилась та же исторія съ задней лукой и спиннымъ хребтомъ новоявленнаго верблюжьяго кавалериста. Мичманъ кричалъ отъ боли, а мы его успокаивали, доказывая, что всякій новоявленный кавалеристъ долженъ нѣсколько пострадать при обученіи ѣздѣ. Въ это время нашъ старшой гарцовалъ на своемъ конѣ, который, по правдѣ говоря, мало его слушался и дѣлалъ курбеты, которые ему приходили въ голову.

Лучше всего держался в сѣдлѣ консулъ, но онъ привыкъ къ такого рода путешествіямъ, но не мы, морскіе кавалеристы. Я, на своей сѣрой лошадкѣ, сидѣлъ спокойно. Или она была старая, или очень спокойная, и я благодарилъ судьбу, что она мнѣ ее послала. Нѣсколько арабовъ съ англійскими, новыми, скорострѣльными винтовками были въ конвоѣ, верхомъ на верблюдахъ и лошадяхъ. На острѣйшій крупъ верблюда мичмана взгромоздился, какъ обезьяна, такой же арабъ съ винтовкой. Какъ онъ тамъ держался, одному Богу извѣстно.

И вотъ, всей кавалькадой, мы торжественно выступили въ походъ и выѣхали изъ Ковейта въ пустыню. Впечатлѣніе было такое, какъ будто мы находились въ глухой степи, гдѣ-нибудь на югѣ Россіи. Пахнетъ овцами, повсюду навозъ — и, если не арабы, то можно было думать, что находишься гдѣ-нибудь въ Екатеринославской или Херсонской губерніи. Впереди — совершенно плоская, песчаная равнина съ чахлой травкой. Ѣдемъ дальше по дорогѣ, точь въ точь как у насъ на югѣ Россіи степной шляхъ, съ той только разницей, что, мѣстами, попадаются скелеты павшихъ животныхъ и на нихъ какіе-то громадные, невиданныя раньше, хищныя птицы.

Кромѣ того, т. к. дорога шла недалеко отъ берега, мы впервые увидали большихъ, розовыхъ фламинго, которые копошились въ прибрежныхъ камышахъ. Устье Евфрата было недалеко и вода была полупрѣсная...

Мы продолжали двигаться впередъ Жеребецъ старшого началъ горячиться. Онъ становился на дыбы, давалъ задомъ и я замѣтилъ по лицу всадника, что ему становится не по себѣ. Мнѣ еще показалось, что не то онъ съѣзжаетъ въ бокъ, не то у него одна нога въ стремени выше другой. Подъѣхавъ къ нему я спросилъ: — «Что это съ Вами, Евгеній Карловичъ, у Васъ какая-то странная посадка?» — Онъ мнѣ отвѣтилъ, что только теперь замѣтилъ, что

у него одно стремя короче другого, а потому, при «козлахъ» его жеребца, ему на немъ долго не усидѣть. Арабы быстро выравняли стремена и мы начали тихонько подвигаться впередъ. Немного спустя, мичманъ на верблюдѣ началъ жаловаться, что больше не можетъ выдержать, что у него все болитъ и что верблюдъ адски тряскій. Мы остановились и я предложилъ ему помѣняться мѣстами на нѣкоторое время. На подобной скотинѣ я никогда въ жизни еще не ѣздилъ. Мичманъ согласился. Верблюдъ, по приказанію проводника, легъ на песокъ и мы перемѣнились мѣстами. Я совершенно забылъ недавно происшедшую исторію съ посадкой на верблюда — и со мной повторилась та же исторія, что и съ моимъ предшественникомъ. Сознаюсь, было очень больно. Но я нашелъ, что сидѣть на верблюдѣ было очень хорошо, гораздо лучше, чѣмъ на моей лошадкѣ. Сѣдло было гораздо больше и удобнѣе, ноги не въ стременахъ, а на шеѣ верблюда, въ какомъ хочешь положеніи. Верблюдъ же идетъ плавной иноходью.

Черезъ нѣкоторое время ревизоръ, на своемъ мулѣ, заявляетъ, что хорошо было бы закусить и кое-что выпить. У кого, спрашиваетъ, корзина съ припасами. И вотъ выяснилось, что ее забыли на катерѣ. Всѣ были страшно возмущены и каждый обвинялъ другихъ. Консулъ всѣхъ насъ помирилъ, заявивъ, что намъ дадутъ хорошо поѣсть у шейха. Время шло къ вечеру. Арабы начали что-то тревожиться и переговариваться съ консуломъ, который сказалъ намъ, что сумерки въ этихъ широтахъ наступаютъ очень быстро и арабы опасаются нападенія со стороны враждебныхъ племенъ, хотя мы находились уже недалеко отъ оазиса — высланныхъ-же намъ навстрѣчу людей для усиленія охраны, все еще не было видно. Авсѣенко посовѣтовалъ намъ, на всякій случай, приготовить револьверы. Мы исполнили его совѣтъ и держались на готовѣ. Вдругъ, одинъ арабъ что-то замѣтилъ вдалекѣ отъ насъ, съ лѣвой стороны, но, при наступающей быстро темнотѣ, не могъ сказать что именно.

Нѣсколько арабовъ изъ нашего конвоя съ винтовками на готовѣ быстро отправились посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Они скрылись мгновенно въ наступившей темнотѣ. Выяснилось, что это былъ именно отрядъ, высланный намъ навстрѣчу шейхомъ. Люди сидѣли на дивныхъ, арабскихъ боевыхъ коняхъ. Скоро на встрѣчу намъ показалось еще нѣсколько всадниковъ, переговаривавшихся съ нашими арабами — но близко къ намъ они не подъѣзжали.

Немного погодя, при восходившей лунѣ, стали показываться, вдали, какія-то бѣлыя, причудливыя, съ арками, зданія чисто арабскаго стиля и около нихъ цѣлая роща огромныхъ, финиковыхъ пальмъ. Проѣхавши еще немного, мы увидали выходящихъ изъ этихъ домовъ, во всемъ бѣломъ, съ факелами въ рукахъ, людей. Консулъ сказалъ намъ что мы сейчасъ пріѣдемъ и что это шейхъ,

со своими воеводами и рабами неграми, выходитъ намъ на встрѣчу. Наконецъ мы подъѣхали къ этому феерическому мѣсту, окрашенному свѣтомъ взошедшей луны и не поддающемуся никакому описанію по своей сказочной, восточной красотѣ.

Мы начали слѣзать съ своихъ животныхъ. Не тутъ-то было. Все болитъ, ноги не слушаются, всѣ еле двигаются — шутка-ли, морская кавалерія прокатила сразу, съ непривычки, сорокъ верстъ. Кое-какъ, мы всетаки слѣзли и съ усиліями пошли къ шейху — высокаго роста, сухому, жилистому старику, который очень привѣтливо и, въ то же время, съ очень красивой и изящной гордостью, разговаривалъ съ Авсѣенко. Послѣ представленія, насъ попросили войти внутрь дома и, войдя, въ какую-то совершенно пустую комнату, безъ всякой мебели, предложили сѣсть на положенныя на полъ верблюжьи сѣдла. Какъ тутъ сѣсть, когда все болитъ и до извѣстнаго мѣста дотронуться нельзя! Все-же, кое-какъ, кряхтя и охая, опустились на предложенныя сѣдалища. Разговоръ начался между шейхомъ и консуломъ — мы ничего не понимая, только смотрѣли и ждали, дадутъ ли намъ что-нибудь поѣсть, какъ обѣщалъ консулъ. Къ нашему ужасу, подали только кофе, которое тутъ-же рядомъ, въ каменномъ бассейнѣ-ступѣ, поджаривалъ и мололъ какой-то огромный рабъ-негръ.

Мы пили кофе и бросали злобные взгляды консулу, на которые онъ отвѣчалъ тонкой улыбкой. Пришлось сидѣть и ждать, что будетъ дальше. Наконецъ консульскіе, дипломатическіе разговоры кончились, кофе, такое-же чудное и безъ сахара, какъ въ Маскатѣ, было выпито. Авсѣенко всталъ и сказалъ намъ: — «поднимайтесь, шейхъ желаетъ насъ лично проводить и указать мѣсто, гдѣ мы проведемъ ночь». Кряхтя и потягиваясь, мы, кое-какъ, поднялись съ сдѣлавшимися для насъ ненавистными сѣделъ, и пошли за шейхомъ и Авсѣенко, думая, что насъ поведутъ въ какую-нибудь комнату. Не тутъ-то было — мы вышли изъ дома и попали на какой-то огромный дворъ, на которомъ стояли, отдѣльно другъ отъ друга, привязанныя къ колышкамъ, дивныя арабскія лошади, покрытыя попонами. Проходить пришлось около самыхъ лошадей и мы, помня случай съ ревизоромъ въ Маскатѣ, осторожно ихъ сторонились. Это замѣтилъ шейхъ и черезъ консула передалъ намъ, чтобы мы ничего не боялись.

Мы шли по двору дальше и дальше — и, вдругъ, видимъ, передъ нами большой шатеръ, куда шейхъ намъ предлагаетъ войти. Мы вошли — земля была устлана коврами и полукругомъ были разставлены опять эти проклятыя верблюжьи сѣдла, вмѣсто стульевъ и креселъ. Шейхъ привѣтливо простился съ консуломъ и пожелавъ всѣмъ покойной ночи, величественно удалился со своей свитой и воеводами.

Какъ только онъ ушелъ, всѣ мы накинулись на консула. Гдѣ-же ужинъ? гдѣ кровати? опять эти чертовы сѣдла! Все болитъ и сѣсть на нихъ цѣлое мученіе. Консулъ отвѣтилъ намъ, что по правиламъ арабской высшей вѣжливости, нельзя свободныхъ и знатныхъ гостей — это мы то! — помѣщать подъ крышей, а можно только подъ открытымъ небомъ, въ шатрѣ. Мы всѣ были въ бѣлыхъ кителяхъ, а въ этихъ краяхъ очень рѣзкая амплитуда между ночной прохладой и дневной жарой. Мы начали дрожать отъ холода и голода. — «Погодите», сказалъ Авсѣенко, — «скоро намъ принесутъ ужинъ». — Опять начались препиранія о забытой на шлюпкѣ провизіи. Вдругъ появились какіе-то негры, въ разноцвѣтныхъ халатахъ съ тюрбанами на головѣ. Они принесли намъ шейховскій ужинъ. Какимъ-то удивительнымъ образомъ, по-арабски, приготовленныя курицы, большое блюдо рису и крошечный графинчикъ, чудной узорной работы, съ холодной какъ ледъ водой. Никакого алкоголя.

Началось насыщеніе. Ѣли мы и ѣли, а всего съѣсть не могли, и когда, наконецъ, мы позвали эфіоповъ убирать посуду, многое еще оставалось на блюдахъ.

Ѣли мы просто пальцами, т. к. ни ножей ни вилокъ не полагалось, а пользовались только своими перочинными ножами, по очереди, т. к. не у всѣхъ они были. Когда негры убрали посуду, то сейчасъ же, за нашимъ шатромъ, поднялась между ними драка. Какъ намъ объяснилъ консулъ, ихъ не кормятъ, а питаются они остатками съ барскаго стола. Вотъ они и выхватывали куски другъ отъ друга. Не успѣли мы покончить съ ужиномъ, какъ въ шатеръ вошелъ другой негръ и принесъ намъ груду тонкихъ халатовъ изъ верблюжей шерсти, которые намъ прислала старшая жена шейха изъ его гарема. Мы очень обрадовались этой присылкѣ, т. к. продолжали дрожать отъ холода въ бѣлыхъ кителяхъ лежа на коврахъ.

Мы одѣли эти халаты — стало немного теплѣе, но все же, мы всю ночь продрожали до разсвѣта отъ холода. Когда солнце поднялось, мы злые, продрогшие и не выспавшіеся, поднялись со своихъ ковровъ и пошли прогуляться изъ шатра.

При дневномъ свѣтѣ, мы замѣтили, что дворъ не такъ ужъ великъ, что дворецъ не снѣжно бѣлый, какъ онъ намъ казался при феерическомъ лунномъ свѣтѣ, и что, вообще, мы находимся какъ бы во дворѣ русской помѣщичьей усадьбы средней руки, гдѣ много лошадей и скота. Дворъ окружали двойныя стѣны съ соломенной крышей. Тамъ стояли коровы и блеяли овцы. По двору бродили куры и звонко заливались пѣтухи, а посреди стояли, привязанные къ колышкамъ, арабскіе кони.

Немного погодя, вышли шейховскіе воеводы и, собственноручно, начали, каждый, чистить своихъ лошадей, поить и задавать

имѣ кормъ. Консулъ намъ сказалъ, что каждый арабъ, кто-бы онъ ни былъ, всегда собственноручно ухаживаетъ за своимъ конемъ. То же продѣлалъ и самъ шейхъ. Полюбовавшись на эту картину, мы, по шаткой лѣстницѣ, поднялись на одну изъ стѣнъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается снаружи. Мы увидѣли большія стада верблюдовъ, которых гнали куда-то въ пустыню. Дальше, ближе къ огромнымъ финиковымъ пальмамъ оазиса и между ними, видны были ряды грязныхъ палатокъ и слышны были женскія и дѣтскія голоса.

Когда мы продолжали любоваться столь для насъ чужой и дикой картиной, къ намъ, незамѣтно сзади, подошелъ шейхъ пожелалъ намъ добраго утра и освѣдомился, какъ мы провели ночь. Консулъ его поблагодарилъ и сказалъ, что прекрасно — какъ же иначе отвѣтить дипломату. Шейхъ попросилъ насъ спуститься въ шатеръ, гдѣ насъ ждетъ завтракъ, послѣ котораго онъ зайдетъ за нами и мы пойдемъ съ нимъ вмѣстѣ къ его войскамъ. Во время этого разговора онъ неоднократно вынималъ изъ кармана бинокль и смотрѣлъ въ него на пустыню. Мы поинтересовались узнать, какой это бинокль у него, т. к. мы должны были, по приказанію командира, поднести ему тоже бинокль казеннаго русскаго образца съ двуглавымъ орломъ и буквами Г. Г. У. — Главное Гидрографическое Управленіе. Каково же было наше изумѣніе, когда онъ намъ показалъ точно такой бинокль. Оказалось, что бывшій за годъ до насъ «Гилякъ», шедшій также какъ мы, на Востокъ, былъ тоже въ Ковейтѣ и его командиръ насъ предупредилъ своимъ подаркомъ.

Что тутъ дѣлать? Надо, все-же, что-то подарить. Выручили золотыя запонки ревизора. Послѣ этого мы спустились со стѣнки внизъ и пошли завтракать въ шатеръ. На этотъ разъ была баранина съ рисомъ и такой же дракой негровъ-рабовъ за шатромъ.

Когда мы окончили завтракъ, солнце стало уже сильно припекать и подъ его палящими лучами, мы вмѣстѣ съ шейхомъ и его свитой пошли мимо пальмовой рощи, въ пустыню. Тамъ насъ ждали, выстроенные въ одну шеренгу, по племенамъ, его войска. Я никогда не видалъ раньше такихъ огромныхъ и красивыхъ финиковыхъ пальмъ, какъ въ этомъ оазисѣ. Онѣ были увѣнчаны громадными гроздями зрѣющихъ финиковъ и слышалось журчаніе ручейковъ. Отъ всего этого вѣяло прохладой и нѣгой. Среди пальмъ сновали женщины и дѣтишки, виднѣлись палатки.

Подойдя ближе къ войскамъ, мы увидѣли, что они пританцовываютъ съ одной ноги на другую, что-то поютъ и держатъ надъ головами новенькія, англійскія, скорострѣльныя винтовки. Я никогда не забуду этого зрѣлища. Красавецъ къ красавцу, чистаго семитическаго племени. Если вспомнить знаменитый образъ Нерукотворнаго Спаса съ дивной красоты ликомъ Спасителя — такъ

вотъ, это они. Такіе же длинные волосы, у кого распущенные, у кого заплетенные въ косички. Одѣты въ бѣдные, грязные, бѣлые халаты, босикомъ, но всѣ увѣшаны патронами.

Консулъ сказалъ намъ, что они стрѣляютъ безъ промаху птицъ на лету — и это одной пулей, а не дробью. Шейхъ говорилъ ему, что онъ очень боится что у турокъ есть артиллерія — бои между его войсками и турками происходятъ далеко впереди, въ пустынѣ, километрахъ въ пятидесяти. До сихъ поръ у турокъ артиллеріи не было, но если она появится, то пропало дѣло. Его арабы побѣгутъ, т. к. совершенно не выносятъ артиллерійскаго огня, при всей ихъ храбрости. Чтобы насъ еще больше развлечь, онъ приказалъ, наглядно, намъ показать, какъ страдаетъ раненый отъ полученныхъ поврежденій.

Какой-то воинъ бросился на песокъ и сталъ кривляться и стонать. Картина была, нельзя сказать, чтобы живописная. Послѣ этого шейхъ, черезъ консула, объяснилъ намъ тактику его войскъ. Они даютъ, на очень близкомъ разстояніи, залпъ по непріятелю, а потомъ бросаются на него съ ятаганами и, уже, никому не даютъ пощады, вырѣзывая все на чисто. На нашъ вопросъ, почему-же, стрѣляя такъ мѣтко, не продолжаютъ стрѣльбу, а кидаются съ ятаганами — шейхъ отвѣтилъ, что удержать ихъ невозможно — это ведется такъ съ незапамятныхъ временъ, когда еще были луки и стрѣлы.

Безпокоилъ шейха также вопросъ, будет-ли въ этомъ году, достаточный урожай финиковъ, т. к. онъ долженъ кормить не только войска, но и всю семью каждого воина, пока онъ находится на войнѣ. Всѣ эти семьи неизмѣнно слѣдуютъ за своими отцами, братьями и мужьями. Ихъ то мы и видѣли среди пальмъ оазиса, со всѣмъ ихъ жалкимъ скарбомъ. Жалованія воины не получаютъ, довольствуясь грабежомъ побѣжденнаго врага.

Во все время нашего обхода этихъ воиновъ, сзади, какъ вихрь, пролетали всадники, на своихъ дивныхъ арабскихъ скакунахъ, но никакой джигитовки, какъ у нашихъ кавказцевъ или казаковъ, не было.

Покончивъ съ военнымъ смотромъ и поблагодаривъ шейха, мы сѣли на поданныхъ намъ верховыхъ животныхъ и пустились въ обратный путь, чтобы къ закату солнца поспѣть въ Ковейтъ, куда благополучно и прибыли на этотъ разъ безъ всякихъ приключений и, даже, на этомъ переходѣ, у насъ меньше все болѣло, хотя, все-таки, послѣдствія верховой ѣзды вспоминались еще нѣкоторое время.

В. В. Веселовскій

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОБѢДИТЕЛЬ

Въ мирное время, задолго еще до Великой войны, въ Константинополѣ для командъ иностранныхъ стаціонеровъ, иногда устраивались различныя международныя спортивныя состязанія. Иниціаторомъ и душой всѣхъ этихъ состязаній былъ въ 1907-1908 годахъ командиръ германскаго стаціонера-яхты «Лорелэй», капитанъ 2-го ранга фонъ-Клитцингъ, впослѣдствіи — во время Великой войны, въ чинѣ капитана 1-го ранга командовавшій одно время крейсеромъ «Бреслау». Ближайшимъ же помощникомъ капитана 2-го ранга Клитцинга по устройству этихъ состязаній, особенно по водяному спорту, былъ его боцманъ, до военной службы подвизавшійся клоуномъ въ циркахъ, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ — «Циркъ подъ водой».

Однажды, очереднымъ спортивнымъ состязаніемъ для командъ были устроены скачки съ препятствіями на ослахъ. Препятствіями служили: различные рвы съ водой, канавы, невысокіе барьеры, кусты и пр. Однимъ изъ условій этихъ скачекъ было, что всадникъ не былъ обязанъ все время сидѣть на ослѣ верхомъ, но разставаться съ осломъ — всаднику запрещалось. Въ состязаніи участвовали матросы: англійскіе, германскіе, французскіе, итальянскіе, австро-венгерскіе и наши. Нашихъ — русскихъ участвовало около 6 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ и матросъ 1-ой статьи Иванъ Деригузъ. Почему, собственно, и Деригузъ попалъ въ число участниковъ состязанія — не вполнѣ ясно. Кромѣ весьма недюженной физической силы, онъ никакими спортивными наклонностями не отличался. Небольшого роста, широкоплечій и коренастый, Деригузъ производилъ скорѣе впечатлѣніе неповоротливаго и неуклюжаго, угрюмаго представителя нашей черноземной силы. Большинство офицеровъ было противъ его включенія въ списки состязующихся и старшій офицеръ лодки даже хотѣлъ было вычеркнуть Деригуза, но этому энергично воспротивился почему-то мичманъ — ротный командиръ Деригуза. Ротный командиръ утверждалъ, что онъ болѣе всего увѣренъ именно въ Деригузѣ и старшій офицеръ, пожавъ плечами, уступилъ.

Состязанія происходили въ полѣ — въ окрестностяхъ Терапіи.

На состязанія собралась большая толпа зрителей: въ очень большомъ количествѣ присутствовали команды всѣхъ иностранныхъ стаціонеровъ, офицеры, чины дипломатическаго корпуса, много дачницъ и дачниковъ изъ Терапіи и случайные прохожіе. Почти съ самаго начала скачки сопровождались непрерывнымъ, веселымъ хохотомъ зрителей и остротами на всѣхъ языкахъ и подбадриваніемъ своихъ кандидатовъ командами. Зрѣлище дѣйствительно было сильно комическое. Ослы, вѣрнѣе — ослики, упрямились не шли; подстегиваемые, они лягались, давали «свѣчки», внезапно становились, сбрасывая сѣдоковъ, на колѣни, или ложились вмѣстѣ съ сѣдоками на землю. При этихъ неожиданныхъ «кипроко» осликовъ, то и дѣло, кто-либо изъ всадниковъ летѣлъ кубаремъ на землю, иногда черезъ заборъ или въ воду. Крикъ, шумъ, хохотъ, вмѣстѣ съ ржаніемъословъ, слились въ какой-то непрерывный гулъ. Деригузъ слетѣлъ со своего осла еще при приближеніи къ первому препятствію. Не имѣя никакой возможности заставить осла повиноваться и исполнять его желанія, Деригузъ въ дальнѣйшемъ принужденъ былъ примѣнить другіе, довольно оригинальные пріемы, рѣзко отличавшіеся отъ пріемовъ остальныхъ состязующихся. Деригузъ, убѣдившись что ему никакъ не удастся продолжать состязаніе верхомъ, съ другой же стороны, видя что онъ уже значительно отсталъ отъ большинства конкурентовъ, началъ продолжать состязаніе пѣшкомъ, «буксируя» за собой своего осла. Черезъ всѣ препятствія, Деригуз, и не думая пытаться заставить осла перепрыгнуть черезъ ровъ или барьеръ, напрягая всѣ свои силы, буквально, что называется на морскомъ языкѣ, перекантовывалъ, т. е. — переталкивалъ и перепихивалъ своего осла черезъ препятствія. Ему буквально приходилось бороться со своимъ осломъ, таща и поднимая его: то за голову, то за ноги, то за хвостъ. Въ этой нелегкой борьбѣ, сопровождавшейся дикимъ хохотомъ толпы, Деригузъ, нѣсколько разъ падая съ осломъ то въ грязь, то въ воду, сильно вымазался, изодрался и... все больше и больше свирѣпѣлъ. Очевидно, чувствуя что ему, даже съ его ослинымъ упрямствомъ, не удастся переупрямить Деригуза и, быть можетъ, постепенно начиная терять силы, осликъ сталъ менѣе сопротивляться, а это дало Деригузу возможность, ускоривъ шагъ, обогнать многихъ конкурентовъ, продолжавшихъ пытаться «скакать верхомъ» и сильно задерживавшихся на препятствіяхъ. На послѣднемъ заѣздѣ Деригузъ неожиданно для самаго себя увидѣлъ, что онъ оказался вторымъ. До старта было недалеко и оставалось всего лишь еще одно препятствіе. Быстро, буквально перебросивъ своего ишака черезъ послѣдній барьеръ, Деригузъ къ общему удивленію толпы, вдругъ пригнулся и, съ побагровѣвшимъ лицомъ и надувшимися венами, какъ тяжелый мѣшокъ, взвалилъ

себѣ на спину, если и не всего осла, то во всякомъ случаѣ, большую часть его.

И съ этой ношей Деригузъ быстро пошелъ — почти побѣжалъ — къ старту. Подъ общій неистовый ревъ и свистъ командъ, и неудержимый хохотъ и аплодисменты толпы, Деригузъ со своимъ осликомъ на плечахъ, пришелъ къ старту первымъ.

Русская черноземная сила взяла.

Международное жюри единогласно присудило первый призъ — Деригузу.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Во время пребыванія адмирала Фаррагута въ Нью-Іоркѣ, онъ часто встрѣчался съ адмираломъ Лесовскимъ, командовавшимъ эскадрой, зимовавшей въ этомъ порту, и съ которымъ онъ подружился во время плаванія въ Средиземномъ морѣ, когда оба были молодыми офицерами.

Однажды, послѣ обѣда, Фаррагутъ спросилъ русскаго адмирала — «Почему вы проводите зиму здѣсь въ бездѣйствіи?».

— «Я нахожусь здѣсь съ запечатаннымъ пакетомъ, который можетъ быть вскрытъ только въ томъ случаѣ, если случится то, что еще не случилось. Другая эскадра съ подобнымъ же пакетомъ находится въ Санъ-Франциско».

Далѣе адмиралъ Лесовскій пояснилъ: — «Я получилъ приказъ вскрыть пакеты въ случаѣ, если Соединенные Штаты будутъ вовлечены въ войну съ другими націями».

Присутствовавшимъ при этомъ разговорѣ было предложено этого разговора не разглашать.

...Появленіе бронированнаго тарана южанъ «Tennessee» нѣсколько обезкуражило сѣверянъ, блокировавшихъ входъ въ Mobile Bay.

Согласно донесеніямъ развѣдки и перебѣжчиковъ, этотъ корабль равнялся по силѣ всему, сильно потрепанному, блокирующему флоту, и сверхъ всего, имѣлъ и торпеду (повидимому шестовую мину).

Флагъ-капитанъ адмирала Фаррагута, капитанъ I ранга Drayton отнесся къ появленію «Tennessee» полу-юмористически, и, въ своемъ письмѣ Mr. Hamilton, одному изъ его корреспондентовъ, выразился такъ:

«Если намъ суждено быть потопленными, то единственнымъ пріятнымъ послѣдствіемъ будетъ то, что вмѣстѣ съ кораблемъ пойдетъ ко дну и вся масса бумагъ и рапортовъ, на которые противно смотрѣть. Будетъ большимъ облегченіемъ избавиться отъ нихъ хотя бы такой цѣной!».

Что бы онъ сказалъ въ настоящее время?

Из книги: ***David Glasgow Farragut, our first Admiral by Charles Lee Lewis***

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НА ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯХТѢ «ШТАНДАРТЪ»

(Продолженіе)

Флангъ-капитанъ въ эту зиму почти каждое воскресеніе пріѣзжалъ завтракать въ Рѣчной яхтъ-клубъ, и однажды въ немъ пробовали быстроходные пропеллерные сани. Адмирала закутали въ доху, надѣли на него мѣховую шапку, и сани помчались. Я боялся, чтобы съ нимъ чего-либо не случилось на такомъ ходу и въ морозъ, но скоро аппаратъ примчался обратно, и флагъ-капитана сняли съ него всего запорошеннаго снѣгомъ. Лицо его посинѣло, носъ побѣлѣлъ, такъ что ихъ тутъ же натерли снѣгомъ. Но въ теплой и уютной столовой клуба, только для членовъ-мужчинъ, адмиралъ скоро отошелъ, и мы мирно и весело сидѣли за блинами, запивая ихъ настойкой изъ свѣжаго черносмородиннаго листа. Эту водку приготовлялъ, въ казенныхъ мерзавчикахъ, въ которыхъ плавали зеленыя вѣточки съ листиками, старшина и экономъ клуба, престарѣлый И. И. Бергманъ, знаменитый спортсмэнъ и извѣстный треннеръ на аутригерахъ. Когда-то, въ молодости, Бергманъ былъ лучшимъ гребцомъ Петербурга.

Офицеры со «Штандарта» пріѣзжали изъ Севастополя въ отпускъ, и за это время, равно какъ и за предыдущіе годы, произошли нѣкоторыя измѣненія въ личномъ составѣ, такъ что къ началу кампаніи этого, 1914 года, которая, по провидѣнію Господнему, была послѣдней въ существованіи нашего «Штандарта», списокъ офицеровъ былъ слѣдующій:

Походный штабъ флагъ-капитана Его Величества:

Флагъ-капитанъ Его Величества, адмиралъ, генералъ-адъютантъ, К. Д. Ниловъ (съ 1905 по 1917 годъ).

Старшій флагъ-офицеръ, капитанъ 2 ранга Н. В. Саблинъ 3-ій (съ 1906 по 1911 г. на яхтѣ, съ 1911 по 1916 г. въ штабѣ).

Флагманскій штурманъ, корпуса флотскихъ штурмановъ, генералъ-майоръ, И. И. Конюшковъ (съ 1894 по 1912 г. на яхтѣ, съ 1912 по 1917 г. въ штабѣ).

Флагманскій инженеръ-механикъ, корпуса инженеръ-механиковъ флота, генералъ-майоръ И. С. Шведовъ, одновременно старшій инженеръ-механикъ Императорской яхты «Александрія» (въ штабѣ съ 1912 по 1917 г.).

Дѣлопроизводитель штаба, поручикъ по адмиралтейству, Н. Н. Егоровъ (съ 1905 по 1917 г.).

Сигнальный кондукторъ штаба, Байбаковъ (съ 1905 по 1917 г.).

Императорская яхта «Штандартъ»:

Командиръ, капитанъ 1 ранга, Р. Д. Зеленецкій (съ 1894 по 1907 г. на яхтѣ, съ 1913 по 1917 г. командиромъ яхты).

Старшій офицеръ, флигель-адъютантъ, капитанъ 2 ранга Н. П. Саблинъ 2-ой (съ 1906 по 1917 г.).

Первый лейтенантъ и ревизоръ, старшій лейтенантъ, А. И. Бутаковъ (съ 1909 по 1915 г., убитъ на войнѣ).

Минный офицеръ, старшій лейтенантъ М. А. Бабицынъ (съ 1908 по 1915 г. умеръ на фронтѣ отъ менингита).

Старшій штурманскій офицеръ, лейтенантъ Л. М. Кожевниковъ (съ 1908 по 1917 г.).

Младшій штурманскій офицеръ, лейтенантъ А. И. Кублицкій (съ 1910 по 1917 г.).

1-ый вахтенный начальникъ, лейтенантъ Н. Н. Родіоновъ (съ 1910 по 1917 г.).

2-ой вахтенный начальникъ, лейтенантъ В. К. Молоховецъ (съ 1913 по 1917 г.).

Вахтенный офицеръ, мичманъ Баронъ Г. Н. Таубе (съ 1913 по 1917 г.).

Вахтенный офицеръ, мичманъ Ф. Г. Кернъ (съ 1913 по 1917 г.).

Старшій судовой врачъ, лейбъ-медикъ Высочайшаго двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, И. И. Смирновъ (1904-1917).

Старшій инженеръ-механикъ, инженеръ-механикъ кап. 2-го ранга С. С. Злебовъ (1911 по 1917 г.).

Трюмный инженеръ-механикъ, инженеръ-механикъ капитанъ 2-го ранга С. Р. Невяровскій (1907-1917 г.).

Младшій инженеръ-механикъ, инженеръ-механикъ старшій лейтенантъ С. А. Щепотьевъ (1908-1917 г.).

Младшій инженеръ-механикъ, инженеръ-механикъ лейтенантъ М. М. Мочаловъ (1912-1917 г.).

Судовой священникъ, протоіерей, отецъ Петръ Добровольскій (1912-1917 г.).

Шкиперъ, подполковникъ по адмиралтейству, М. И. Елизаровъ (1894-1917 г.).

Баталеръ, поручикъ по адмиралтейству, И. И. Чурбановъ (1894-1917 г.).

Слѣдуетъ записать въ исторію яхты и многолѣтняго старшаго боцмана, кондуктора Ивана Николаевича Бусулаева, настоящаго морского волка, неудержимо предававшагося потребленію спиртныхъ напитковъ, что такъ естественно для боцмана, и виртуоза въ «морскихъ выраженіяхъ». Это былъ настоящій боцманъ.

Также — замѣчательнаго рулевого кондуктора Х. И. Аленчикова, который всегда самъ стоялъ на штурвалѣ при входахъ яхты въ гавани, и артистически выполнялъ приказанія командировъ. Онъ проплавалъ на «Штандартѣ» все время его существованія. Нельзя не отмѣтить и вольнонаемнаго столяра яхты, полагавшагося по штату для мелкаго ремонта и поддержки полировки, и мастерски дѣлавшаго рамки для фотографій Ихъ Величествъ. Фамилія его была Жантановъ

Былъ еще одинъ вольнонаемный чинъ, тоже полагавшійся по штату, буфетчикъ и поваръ, Матвѣй Захаровичъ Козловъ, который получалъ содержаніе отъ Двора въ 25 рублей въ мѣсяцъ. На яхтѣ полагалось имѣть первокласснаго повара на случай, если придворныхъ поваровъ укачало, и этотъ вольнонаемный долженъ былъ быть не подвергающимся морской болѣзни, и съумѣть приготовить столъ для Ихъ Величествъ. Матвѣй Захаровичъ и былъ таковымъ артистомъ, и когда Ихъ Величества обѣдали у насъ въ каютъ-кампаніи, то меню всегда и исключительно приготовлялось этимъ прекраснымъ поваромъ и человѣкомъ.

Нельзя не упомянуть и о вольнонаемныхъ каютныхъ, бывшихъ матросовъ яхты, которые оставались послѣ сверхсрочной службы завѣдующими царскими и свитскими каютами, при чемъ старшій каютный, Суздиловскій, включалъ въ свои обязанности стоять во время обѣдовъ и завтраковъ Ихъ Величествъ, при всѣхъ медаляхъ и знакахъ, за стуломъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи Его Величества для какихъ-либо посылокъ или порученій. Это были преданные и хорошіе люди, по много лѣтъ плававшіе на яхтѣ. Среди нихъ отмѣчу и каютнаго Веселовскаго, пользовавшагося особымъ вниманіемъ всей Царской Семьи.

Въ концѣ марта Ихъ Величества уѣхали въ Крымъ. Я ѣхалъ въ свитскомъ поѣздѣ, и всѣмъ пассажирамъ его было очень пріятно имѣть спутникомъ флигель-адъютанта А. А. Дрентельна, который на этотъ разъ почему-то не имѣлъ мѣста въ Собственномъ поѣздѣ.

Въ Севастополѣ, за время кратковременной, на этотъ разъ, стоянки, Государь съ Княжнами ѣздилъ осматривать раскопки Херсо-

неса и музей различныхъ вещей добытыхъ со дна моря. Какъ всегда, Государь посѣтилъ почти всѣ суда флота и произвелъ осмотры крѣпостнымъ войскамъ и самимъ крѣпостямъ. Также Государь ѣздилъ на автомобилѣ въ Балаклаву и Георгіевскій монастырь, причемъ въ Балаклавѣ посѣтилъ дачу нашего офицера, но давно вышедшаго въ отставку, шталмейстера М. А. Апраксина, съ которымъ былъ друженъ съ дѣтства, и, говорятъ, обращался къ нему на ты, что, кромѣ Апраксина, имѣло еще мѣсто между Государемъ и К. А. Нарышкинымъ.

Переходъ въ Ялту былъ великолѣпенъ до Ай Тодора, гдѣ мы встрѣтили волну, и вошли въ гавань на легкой качкѣ. Это былъ единственный разъ, когда погоду какъ-то не угадали. Между прочимъ, это было впервые, что Зеленецкій, какъ командиръ, вводилъ яхту въ портъ. Какъ нарочно, когда яхта огибала выдающійся внутрь гавани изгибъ мола, и съ каковаго мѣста брали на вышку съ часами агентства Русскаго общества пароходства и торговли, съ мостика увидѣли, что вышка эта чѣмъ-то заслонена, и стволъ ея не видимъ. Зеленецкій, отлично знавшій яхту, имѣя на рулѣ Аленчикова, который понималъ его приказанія безъ словъ, прекрасно управился, и «Штандартъ», какъ всегда, присталъ въ точку.

Въ этомъ году въ Ялтѣ было невѣроятно большое скопленіе пріѣзжей публики, всѣ въ странѣ уже знали, что Ихъ Величества начали часто пріѣзжать на югъ, и потому на молу и на набережной были тысячи народу. Переѣздъ совершился благополучно, штандартъ въ Ливадіи подняли во время и благополучно, но флагъ-капитанъ въ этотъ день впалъ въ разстроенныя чувства, потому что было получено извѣстіе, что ожидается пріѣздъ Распутина, такъ какъ бѣдному Наслѣднику было все плохо.

23 апрѣля торжественно отпраздновали тезоименитство Государыни, и въ Крымскомъ Конномъ Ея Величества полку былъ конскій праздникъ. Флагъ-капитанъ повезъ меня съ собой, но скоро ему надоѣло смотрѣть джигитовку и разные лихіе кавалерійскіе номера, и онъ увезъ меня къ себѣ въ Ливадію, пить чай.

Ихъ Величества пріѣзжали, по прежнему, обѣдать на яхту, все, какъ и раньше было такъ мило, такъ просто, такъ милостиво, но, надо сказать, что все же многое измѣнилось. У А. А. Вырубовой уменьшилось число друзей и просто хорошо расположенныхъ къ ней лицъ, какъ среди свиты, такъ и среди нашихъ офицеровъ. Даже, можно сказать, что и среди княженъ было замѣтно различное отношеніе къ этой, самой близкой имъ, особѣ. Старшія Великія Княжны выросли. Ольгѣ Николаевнѣ было почти 19 лѣтъ, это была уже настоящая барышня. Татьянѣ Николаевнѣ было почти 17 лѣтъ. Поговаривали уже о замужествѣ Княженъ, и было какое-то негласное соглашеніе среди офицеровъ яхты держать себя съ

прелестными Княжнами уже не какъ съ подростками или маленькими дѣвочками. Избави меня Богъ, если изъ этого можно заключить, что кому-нибудь приходило в голову флиртовать или ухаживать. По правдѣ сказать, за Княжнами ухаживали, но это было просто преклоненіе передъ очаровательными наружностями; Княжны дѣлались красивыми дѣвушками, имъ говорили комплименты, дразнили ихъ, что вотъ скоро онѣ выйдутъ замужъ, восхищались ихъ туалетами, по правдѣ сказать, не всегда, а пожалуй даже и всегда, очень не модными, и какими-то отсталыми, что, впрочемъ, характеризовало всѣ королевскіе дома того времени, развѣ только кромѣ шведскаго. Англійскія, напримѣръ, дамы были всегда одѣты поразительно безвкусно и старомодно. Вотъ еще при Румынскомъ дворѣ можно было отмѣтить большой вкусъ и красоту въ одѣяніяхъ, но надо сказать, что и особы этого королевскаго дома отличались выходящей изъ ряда красотой.

Но, въ концѣ концовъ, природа человѣческая одинакова. Быть можетъ старшія Княжны предпочитали общество однихъ офицеровъ — другимъ. Но при этомъ, это сближеніе съ нашей молодежью, среди которыхъ были, можно сказать, очень красивые люди, было очень корректно, вполнѣ натурально, и не было даже тѣни хотя бы въ одномъ случаѣ или въ одинъ моментъ, чтобы можно было сказать, что это нужно прекратить или избѣгнуть. Мы говорили Княжнамъ, что вотъ они и невѣсты, и скоро уѣдутъ отъ насъ. А Княжны смѣялись и обѣщали, что никогда не выйдутъ за иностранцевъ, и не покинутъ свою любимую родину. Конечно, это были, вѣроятно, лишь слова. Къ сожалѣнію, всѣ принцессы всѣхъ правящихъ родовъ во всемъ мірѣ не были свободны въ выборахъ по своимъ чувствамъ. А женихи, какъ мы увидимъ дальше, уже, повидимому, были.

По поводу такого измѣнившагося, такъ сказать, физическаго состоянія прелестныхъ Княженъ, я какъ-то имѣлъ разговоръ съ А. А. Дрентельномъ, котораго я считалъ очень умнымъ, образованнымъ, тонкимъ и лучшимъ лицомъ изъ ближайшаго приближенія. Дрентельнъ мнѣ замѣтилъ, что Княжны стали барышнями, и что обращеніе съ ними, если можно такъ сказать, должно быть другимъ, чѣмъ оно было естественнымъ и допустимымъ, когда Княжны были дѣвочками и подростками. Не надо никому забывать, что Княжны выросли у насъ на глазахъ, и за 10 лѣтъ совершенно перемѣнились. Что нашимъ господамъ, въ воспитанности коихъ, никто никогда не могъ сомнѣваться, все же слѣдуетъ ни на минуту не забывать, что Княжны стали барышнями, и при этомъ съ общечеловѣческими чувствами и мыслями. Кромѣ того — это дочери русскаго Царя. Это было очень велико и величественно.

Я передалъ этотъ разговоръ флагъ-капитану. Ниловъ немного

задумался и высказалъ мысль, что онъ увѣренъ, какъ нашъ старшій товарищъ, что всѣ наши офицеры сознаютъ все это, и даже въ мысляхъ думаютъ и держатъ себя такъ, какъ подобаетъ истиннымъ джентльмэнамъ и рыцарямъ. И я увѣренъ, что кто зналъ и видѣлъ жизнь и отношенія къ Княжнамъ всѣхъ плававшихъ на яхтѣ, по совѣсти можно было сказать, что всѣ вели и держали себя такъ, какъ въ этомъ былъ увѣренъ нашъ любимый и всѣми уважаемый адмиралъ и начальникъ — флагъ-капитанъ Его Величества, которому онъ былъ безпредѣльно преданъ до послѣдней минуты, и Княжны представляли для всѣхъ такія моральныя совершенства, которыхъ ничего житейское или обывательское не могло коснуться, и, конечно, не касалось.

Весь этотъ разговоръ адмиралъ привелъ къ заключенію того, что такое долговременное пребываніе на яхтѣ и стоянка ея на одномъ мѣстѣ и на одномъ и томъ же рейдѣ Штандартъ, гдѣ, несмотря на красоту шхеръ, все же бывало порой тоскливо, а главное, очень уже однообразно, что все въ жизни въ движеніи, а топтаніе на мѣстѣ вредно и преступно, когда есть возможность двигаться и видѣть то, что до сихъ поръ не видано. Тутъ флагъ-капитанъ вдругъ сказалъ:

— Знаете, нужно бы Ихъ Величествамъ совершить большое плаваніе со всѣми Княжнами, пока онѣ еще дома. Хорошо бы пройти по Средиземному морю, въ Египетъ, въ Италію, по африканскому берегу, даже въ Марокко. Сухимъ путемъ это обременительно и трудно съ охраной и разными политическими соображеніями. Да только «Штандартъ» маловатъ для этого. Да и вообще становится старъ. Вотъ Вильгельмъ строитъ себѣ новую яхту въ 7 тысячъ тоннъ. Что же, Русскій Царь не можетъ себѣ построить побольше! Тысячъ в одиннадцать. И турбинную, и болѣе удобную. Да пойти в Индію, даже въ Японію. Вотъ, подождите, какъ-нибудь поговорю съ Государемъ!

Вѣроятно я разсказалъ кому-нибудь изъ офицеровъ объ этомъ разговорѣ, потому что среди офицеровъ именно въ это время начались разговоры, что старшій офицеръ, Н. П. Саблинъ, къ которому Ихъ Величества относились съ совершенно исключительнымъ вниманіемъ, будто бы уже слышалъ отъ Государыни, что ея мечта — посѣтить Индію и показать ее Княжнамъ, но что для всего этого нужно политическое замиреніе страны, и возможность Государю отлучиться на долгое время. Да и яхту нужно бы имѣть побольше и посовременнѣе. Такъ что возможно, что флагъ-капитанъ заронилъ мысль Ихъ Величествамъ, а можетъ быть такіе планы просто совпали. Впрочемъ, я помню что Н. П. Саблинъ говорилъ и мнѣ о такихъ предположеніяхъ.

Во время своего пребыванія въ Ливадіи, Государь ѣздилъ по

окрестностямъ, на охоты, между прочимъ посѣтилъ знаменитое имѣніе Асканія Нова Фальцъ Фейновъ, гдѣ былъ встрѣченъ очень торжественно. Посѣщеніе это было съ дѣловой подкладкой, Государь хотѣлъ видѣть образцовыя хозяйства и разселеніе крестьянъ какъ бы по хуторамъ, что, кажется, проводилось у этихъ культуртрегеровъ. Эта семья колонистовъ была возведена Государемъ въ потомственное дворянство за ихъ дѣйствительныя заслуги передъ россійскимъ сельскимъ хозяйствомъ. Это были прекрасные и преданные Россіи люди.

Сезонъ въ Ялтѣ въ этомъ году былъ очень удаченъ. Погода стояла изумительная, море штилевало, и Государь имѣлъ возможность каждый день грести на нашей двойкѣ.

Весна наступала... Въ Ливадіи, вдоль дороги изъ города, идетъ высокая стѣна, вся увитая розами помпонъ. Удивительно, какъ быстро эти растенія, вчера еще зеленыя и всѣ въ бутонахъ, сегодня, послѣ свѣжаго дождя, покрывались пурпуровыми розочками, такими нѣжными и бархатистыми.

По вечерамъ на яхтѣ бывало скучно сидѣть, и офицеры ходили ужинать въ гостинницу «Россія», терраса которой была только что приведена въ порядокъ, красиво обложена зеленѣющимъ дерномъ, и высажена еще тепличными пестрыми цвѣточками. Но публики было пока маловато. Прислуживалъ намъ уже много лѣтъ подрядъ старичекъ официантъ Николай, пріѣзжавшій дважды въ году изъ Одессы на сезонъ, изъ Сѣверной гостинницы извѣстнаго Ящука. Этотъ почтенный слуга былъ нашимъ другомъ, освѣдомителемъ и довѣрителемъ. И теперь Николай, шамкая беззубымъ ртомъ, почтительно докладывалъ:

— Да-съ, дѣйствительно, сезонъ еще ситцевый! Скучновато для господъ-съ. Птички московскія еще не прилетѣли. Ну ничего, прилетятъ-съ! Денька два-три, и пожалуютъ на ваше ублаженіе! Такъ-съ, такъ-съ — и услужливый старичекъ разливаетъ намъ водки со льда, прибавляя: — кушайте на здоровье!

Въ Ялтѣ была великолѣпная рыба. Особенно хорошо подавали черноморскую барбуньку, на сковородкѣ, подносимой на красныхъ пылающихъ уголькахъ.

Николай продолжаетъ насъ занимать:

— Вотъ, сегодня-съ пришли автомобили и верховыя лошади господина Павлова, мануфактуриста изъ Москвы. И гувернантки, и горничныя, и итальянскій шоферъ ихней дамы. Дама-то при нихъ больше для реномэ, для рекламы, потому капиталистъ большой, для форсу больше. Сама барыня Павлова автомобилямъ не довѣряетъ, для нихъ лошади и коляска московская на дутикахъ пригнана. Ну, а дама-съ никогда безъ Фіаты своей не являются. Очень богаченный человѣкъ, этотъ господинъ коммерсантъ. А еще но-

меръ 47 въ три покоя задержанъ сегодня для двухъ госпожъ, тоже москвичекъ, одна по рыбной части, подруга что ни на есть самаго крупнаго рыбника, ну а другая, похуже съ лица, вродѣ пристеги. Ну, первая, скажу, прямо ангелъ, обѣ изъ птичекъ пѣвчихъ, пѣвички. Еще номеръ седьмой заказанъ съ выходомъ прямо въ кусты, для барышни одной ласковой, ну эта Вамъ, господа, знакома съ прошлыхъ лѣтъ, Пупсомъ изволили окрестить въ тотъ сезонъ.

Инженеръ-механикъ Щепотьевъ, большой цѣнитель птичекъ, все это старательно записывалъ въ свою «мерзавку», маленькую книжечку, какъ онъ ее называлъ. Много жертвъ было занесено въ эту «мерзавку». Теперь бѣднаго Щепотьева нѣтъ: онъ умеръ у насъ въ Бессарабіи. Это былъ очень образованный инженеръ, окончившій Технологическій институтъ, и владѣвшій перомъ. Это онъ составилъ Памятку Гвардейскаго Экипажа къ двухсотлѣтнему юбилею. Справедливость требуетъ занести его имя специально въ исторію не столько яхты, сколько нашего гвардейскаго экипажа.

Весна становилась все лучше и лучше, и бархатный сезонъ вдругъ вытѣснилъ ситцевый: понаѣхало масса петербуржцевъ и москвичей. Мы скоро обратили вниманіе на громадное общество, появившееся на террасѣ «Россіи» съ красивыми женщинами, дѣтьми, собаками, повидимому, приживальщиками и прочей домашней челядью. Это оказался извѣстный московскій фабрикантъ И. П. Павловъ, очень милый и радушный господинъ. Все это общество съ утра заполняло набережную, гуляло съ прекрасными собаками, бульдожками, фоксами, и мы рѣшили непремѣнно съ ними познакомиться и пригласить ихъ осмотрѣть яхту. Конечно, это было поручено Щепотьеву, большому мастеру на знакомства и даже просто приставанія. Онъ сейчасъ же разставилъ сѣти: конечно, лучшіе проводники и соединители — дѣти и собаки. Въ одно прекрасное утро Щепотьевъ погладилъ собачекъ, заговорилъ съ дѣтьми, и мы увидали, что онъ черезъ пять минутъ уже цѣловалъ ручки дамамъ и представлялся кавалерамъ. Особенное наше вниманіе привлекла одна изъ дамъ, поразительной русской красоты, чрезвычайно элегантная, и оказавшаяся премилымъ и душевнымъ человѣкомъ. Эта дама носила очень соблазнительное имя Шушу. Щепотьевъ возвратился къ намъ побѣдителемъ, и объявилъ, что пригласилъ москвичей осмотрѣть яхту сегодня же днемъ.

Такіе осмотры у насъ были хорошо налажены. Собственныя каюты Ихъ Величествъ, съ открытыми дверьми, бывали загорожены красными шнурами, такъ что видно было все, но войти нельзя. За то всѣ остальныя помѣщенія разрѣшалось свободно осматривать. Въ буфетѣ каютъ-кампаніи всегда въ ледничкѣ хранились бутылки съ Гейдсикомъ-Монополь.

Москвичи пріѣхали на трехъ собственныхъ автомобиляхъ. Шо-

феры у нихъ были натасканные итальянцы, выскочили изъ-за волановъ, и, снявъ шапки, открыли портьеры машинъ. Все общество оказалось премилыми людьми, дамы интереснѣе одна другой и красивы, и съ ними была семья прекрасныхъ молодыхъ людей, братьевъ Сухановыхъ. У одного изъ нихъ въ Москвѣ была гоночная машина Фіатъ въ 300 силъ, такъ что полиція запретила ему ѣздить по улицамъ на этомъ чудовищѣ.

Послѣ осмотра помѣщеній, мы пригласили всѣхъ въ каютъ-кампанію, гдѣ предложили, конечно, вина. Павловъ разсказывалъ, что у него въ селѣ Владиміровкѣ громадная мануфактурная фабрика, цѣлый городокъ для рабочихъ, и имѣется соборъ чуть не на пять тысячъ человѣкъ. Всѣ были очень тронуты нашимъ пріемомъ, и у насъ сразу же завязались пріятельскія отношенія, продолжавшiяся и потомъ, во время войны. Когда осматривали командную палубу, Павловъ увидѣлъ инструменты нашего хора музыки и выразилъ желаніе послушать его на берегу въ гостинницѣ.

Я позвонилъ въ Ливадію къ флагъ-капитану спросить разрѣшенія дать хоръ на игру, на что, конечно, флагъ-капитанъ сразу же согласился и, оказывается, слыхалъ, что Павловъ крупный благотворитель, и что объ этомъ ему говорилъ его братъ, полковникъ, командиръ Сумскихъ гусаръ, этой, такъ сказать, гвардіи первопрестольной.

— Разрѣшаю дать Павлову музыку. Но пусть пожертвуетъ на нашу санаторію въ Массандрѣ. Вы же знаете, что скоро будутъ ее закладывать. Выразимъ Павлову Высочайшую благодарность. Вотъ устройте это дѣло, тогда пусть хоть каждый день беретъ музыку! — закончилъ флагъ-капитанъ свой разговоръ.

Порученіе было не изъ пріятныхъ. Очень деликатно это просить. Но нашему флоту дѣйствительно очень нужна была санаторія для туберкулезныхъ. Такихъ больныхъ всегда было очень много, а съ появленіемъ дреднаутовъ, количество ихъ, вѣроятно, еще бы увеличилось.

Въ тотъ же вечеръ наши музыканты играли на террасѣ «Россіи» для услажденія всей веселой компаніи милыхъ и беззаботныхъ Павловыхъ. Почти всѣ офицеры были приглашены этими любезными господами въ отвѣтъ на флаконы въ каютъ-кампаніи.

Черезъ нѣсколько столиковъ отъ насъ сидѣлъ флагъ-капитанъ въ компаніи съ княземъ Орловымъ, начальникомъ военно-походной канцеляріи Государя, и съ княземъ Тумановымъ, всезнающимъ освѣдомителемъ ближайшей свиты. Адмиралъ дѣлалъ мнѣ все время знаки глазами, устроилъ ли я пожертвованіе? Я просто не зналъ, какъ мнѣ поступить. Пожалуй лучше всего было обработать прелестную мадамъ Шушу. Я началъ издалека, что вотъ, молъ, на

дняхъ будетъ закладка нашей морской санаторіи и можно устроить всѣхъ видѣть Царскую Семью поближе.

— Ну что Вы, какъ это можно? — сомнѣвается моя сосѣдка.

— Можно даже Васъ представить!

— Ну, это вы ужъ заливаете! — на удивительно гармоническомъ московскомъ говоркѣ не вѣритъ мнѣ чудесная Шушу.

— Отчего-же, пусть Иванъ Павловичъ пожертвуетъ, вотъ и представимъ, какъ благотворителя!

Дамы тихонько совѣщаются, и атакуютъ самого Павлова. И онъ, къ моей радости, вдругъ протягиваетъ мнѣ записочку, на которой стоитъ крупная, и даже очень и по тѣмъ временамъ, сумма пожертвованія.

— Довольно?

— Ну, еще бы! Не знаю какъ и благодарить Васъ. Вотъ доброе дѣло дѣлаете Вы! — и я встаю, чтобы доложить флагъ-капитану.

— Отлично, вотъ это здорово! — смѣется флагъ-капитанъ. — Скажите что я доложу Его Величеству, и пусть дамы посылаютъ за бриллiантами и тряпками. Представимъ всѣхъ!

Кромѣ Павлова пожертвовали и братья Сухановы.

Черезъ нѣсколько дней въ Массандрѣ состоялась торжественная закладка морской санаторіи: маленькое плато надъ моремъ, все среди розъ и кипарисовъ, было обнесено гирляндами изъ зелени и разукрашено флагами. Посрединѣ, въ выложенной въ землѣ кирпичной кладкѣ перваго павильона, бѣлѣла мраморная закладная доска, передъ которой былъ разбитъ шатеръ для Ихъ Величествъ.

Чудесное солнце сильно припекало, и крупная фигура морского министра, адмирала Григоровича, выдѣлялась на бѣлой толпѣ представителей черноморскаго флота.

Государь пріѣхалъ съ Императрицей и всей семьей. Санаторія должна была носить имя Государыни Александры Феодоровны, которая изъ личныхъ средствъ отпустила основной фондъ. Вся семья Павловыхъ была въ полномъ парадѣ. На дамахъ тысячныя украшенія. Самъ Павловъ во фракѣ, съ какой-то звѣздой.

— Мнѣ очень пріятно, Иванъ Павловичъ, было узнать о Вашемъ щедромъ пожертвованіи. Благодарю Васъ. Эта санаторія будетъ очень нужна нашему флоту. Ея Величество рѣшила сдѣлать на Вашъ даръ церковь, на что не хватило бы средствъ. Еще разъ благодарю Васъ! — И съ улыбкою Государь жметъ руку Павлову. Затѣмъ здоровается за руку съ каждой дамой. Они въ низкихъ реверансахъ цѣлуютъ руки Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Княжны ласкаютъ малышей.

Счастье и честь быть представленными Ихъ Величествамъ Павловы отпраздновали большимъ обѣдомъ въ гостинницѣ «Россіи».

Былъ приглашенъ флагъ-капитанъ, командиръ и почти что всѣ офицеры яхты, и мы съ трудомъ успокаивали радостнаго хозяина, неистово требовавшаго исполненія гимна нашимъ хоромъ музыки.

Адмиралъ былъ очень доволенъ проведеннымъ вечеромъ и садясь послѣ обѣда въ коляску, чтобы ѣхать къ себѣ, замѣтилъ:

— Ну и москвичи Ваши! Это же прелесть! Куда теперь поѣдете еще?

А вся компанія поѣхала поздно ночью въ Гурзуфъ, гдѣ опять пили и ѣли, и мѣстный, какой-то ужасный оркестръ безъ конца исполнялъ гимны и гимны. Впослѣдствіи фирмѣ Павлова Высочайше было присвоено право изображенія Государственнаго герба на его издѣліяхъ.

Государыня въ этомъ году рѣшила устроить благотворительный базаръ опять на молу, противъ яхты. На этотъ разъ, однако, никакихъ исторій среди свиты или городскихъ жителей не произошло, повидимому публика рѣшила, что моряки крѣпко завоевали свои позиціи, хотя никакихъ позицій въ этомъ не было, а просто Императрицѣ было удобно руководить всѣми приготовленіями, а потомъ и самимъ базаромъ, съ яхты. А княжнамъ было пріятно опять побывать на своей любимой яхтѣ и провести время съ офицерами.

Насколько помнится, въ это время начались разговоры, что къ Наслѣднику будетъ назначенъ воспитатель. Молва называла самымъ подходящимъ флигель-адъютанта А. А. Дрентельна, офицера Преображенскаго полка, съ университетскимъ образованіемъ, весьма тактичнаго и съ вполнѣ трезвыми и правильными взглядами на жизнь. Дѣйствительно, это былъ, пожалуй, самый подходящій человѣкъ для такого отвѣтственнаго и сложнаго назначенія. Но, какъ говорили, Государыня считала Дрентельна при всѣхъ его отличныхъ качествахъ и достоинствахъ, человѣкомъ съ слишкомъ сильной волей, каковая могла подчинить себѣ и уничтожить волю будущаго властителя. Говорили, что Ея Величество даже высказывалась, что не будь воспитателемъ Государя генералъ Даниловъ, человѣкъ волевой и съ характеромъ, быть можетъ у Государя выработался бы болѣе сильный и рѣшительный характеръ. По поводу этого, будто бы высказаннаго Государыней мнѣнія, Ниловъ однажды распространялся болѣе подробно о характерѣ покойнаго Государя, котораго онъ зналъ еще совсѣмъ молодымъ. Адмиралъ не считалъ Государя слабохарактернымъ или безвольнымъ. Наоборотъ, Ниловъ указывалъ на нѣсколько государственныхъ случаевъ, когда Царь проявлялъ свой и даже сильный характеръ. Особенно, напримѣръ, флагъ-капитанъ указывалъ на отношеніе Государя къ Витте.

Въ концѣ концовъ, Витте былъ отдаленъ. Другой вопросъ, хорошо и полезно ли это было для Россіи. Ниловъ не любилъ Витте, и не вѣрилъ ему, отдавая все же должное его уму и тому, что онъ сдѣлалъ.

Въ отношеніи также къ Государственной Думѣ, Ниловъ считалъ, что Государь проявлялъ свой характеръ, и даже очень. Адмиралъ задавался вопросомъ, не упрямство ли крылось въ такихъ проявленіяхъ Государя, и иногда говорилъ, что пожалуй, покойный Государь отличался нѣкоторымъ упрямствомъ. Но Ниловъ чрезвычайно возмущался, когда нѣкоторые говорили, что Государь проявляетъ иногда вѣроломство, этимъ называя такіе случаи, когда министры, послѣ милостиваго пріема во время докладовъ, вернувшись домой, находили письма съ увѣдомленіемъ о своей отставкѣ. Ниловъ объяснялъ это деликатностью и даже добротой Государя, когда Его Величество не рѣшался объявить, быть можетъ обидное, и часто не свое рѣшеніе увольняемому сановнику.

Вопросъ о воспитателѣ Наслѣдника рѣшился ни два ни полтора: ко двору былъ взятъ швейцарецъ Жильяръ, бывшій до сего преподавателемъ языковъ у Княженъ, а ранѣе воспитателемъ князя С. Г. Лейхтенбергскаго. Это, конечно, не былъ воспитатель мальчика, а наставникъ. Г. Жильяръ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный педагогъ, такъ героически показавшій свою преданность всей Семьѣ и своему воспитаннику, былъ прекрасной и исключительной личностью. Очень образованный, начитанный и корректный, Г. Жильяръ былъ образцовымъ швейцарцемъ, какъ бы пропитаннымъ законностью и порядкомъ, что, однако, совершенно не отвѣтствуетъ русской душѣ и русской натурѣ. Интересно, привилъ бы Г. Жильяръ свои уравновѣшанныя чувства и свое твердо усвоенное пониманіе порядка вещей и дѣйствій бѣдному Алексѣю Николаевичу? Всѣ очень симпатично и съ уваженіемъ относились къ Г. Жильяру, но многіе между собой, и въ частности, Ниловъ, говорили, что не слѣдуетъ будущему Монарху назначать республиканца. Однако, не нежеланіе назначить кого-либо изъ придворныхъ и приближенныхъ, вродѣ Дрентельна или вообще русскихъ военныхъ или гражданскихъ педагоговъ воспитателемъ къ Наслѣднику, вызвало это назначеніе иностранца, конечно, не воспитателемъ, а именно, наставникомъ. По утвердившемуся мнѣнію, Государыня была такъ властна, такъ опасалась и не хотѣла допустить чьего-либо вліянія на своего единственнаго и столь любимаго сына, что рѣшила вовсе никого не назначать воспитателемъ въ точномъ значеніи этого понятія, что, какъ говорили, было первымъ случаемъ въ исторіи дома Романовыхъ.

Впрочемъ, мы видѣли, что и въ воспитаніи Княженъ Государыней была проведена такая же мѣра: при Княжнахъ не было

состоящей при нихъ воспитательницы или воспитательницъ. С. И. Тютчевой, повидимому предназначавшейся на эту роль, не удалось ея выполнить. Государыня, какъ кажется, сама воспитывала своихъ дочерей. А если знать, какъ, впрочемъ, всѣ и знали, какъ была дружна Царская Семья, какой она была домосѣдливой, и какъ Ихъ Величества все время проводили среди своихъ дѣтей, и какъ эта Семья почти, даже можно сказать, никогда не разлучалась, то станетъ понятно, что всякій воспитатель или воспитательница были просто лишни, и даже неумѣстны въ этой исключительной, дружной и крѣпкой Семьѣ. Такъ вопросъ о воспитателѣ и закончился только разговорами и недоумѣніями.

Скоро въ Ялту пришли турки, какъ всегда съ поздравленіями и подарками для Ихъ Величествъ. Мы чествовали ихъ, по приказанію Государя, обѣдомъ въ царской рубкѣ и возили по окрестностямъ въ придворныхъ автомобиляхъ. И опять эти турки были милѣйшіе и воспитаннѣйшіе люди.

Почти каждую стоянку въ Ялту пріѣзжалъ Эмиръ Бухарскій, имѣвшій собственную дачу въ городѣ, и небольшой дворецъ въ горахъ. Эмиръ появлялся очень торжественно, въ царской рубкѣ устраивался для него отдѣльный столъ, за которымъ сидѣлъ только онъ одинъ съ командиромъ. Свита же его разсаживалась съ офицерами за большимъ столомъ и всѣмъ подавали шампанское и сладости. Послѣ визита Эмира всѣмъ намъ присылали ордена, извѣстныя бухарскія звѣзды. Въ прежніе годы они были настоящаго золота, но внутри съ сургучемъ, какъ бы начинкой, а въ послѣднее время звѣзды были изъ какого-то сплава. Эмиръ былъ очень любезный господинъ и питалъ особое довѣріе къ ялтинскому полицмейстеру, Гвоздеву, который умѣлъ угодить эмиру доставленіемъ различныхъ развлеченій.

Послѣ турокъ пришла яхта французскаго посла при Стамбулѣ, кажется, «Жаннъ Бланшъ», на которой оказались премилые офицеры. Я былъ назначенъ отъ Императорской квартиры состоять при нихъ, и очень подружился съ этими французскими моряками. Командовалъ яхтой лейтенантъ Поммаръ, а среди офицеровъ былъ внукъ адмирала де Беарна, носившій эту-же фамилію, да и остальные офицеры были подобраны очень удачно. Въ Ливадіи для нихъ былъ устроенъ торжественный обѣдъ, ихъ катали въ придворныхъ экипажахъ по горамъ, а у насъ на яхтѣ чествовали завтракомъ въ каютъ-кампаніи. Французы отвѣтили намъ прекраснымъ обѣдомъ у себя. На этомъ пріемѣ мы обратили вниманіе, что у нихъ столовое серебро было съ наполеоновскими орлами и вензелями, т. е. совершенно роялистическое, что совершенно не вязалось съ республиканскимъ флагомъ, подъ которымъ стояла яхта. Оказалось, что французскій флотъ настроенъ еще нѣсколько роялистично, и

когда военныя суда уходятъ въ заграничное плаванiе, то снабжаются наполеоновскимъ серебромъ.

Яхта была очень комфортабельная и принадлежала какому-то французскому коммерсанту на берегахъ Босфора, который, послѣ своей смерти, завѣщалъ ее послу Францiи.

Послѣ этихъ развлекательныхъ визитовъ турокъ и французовъ, флагъ-капитанъ какъ-то разъ оставилъ меня обѣдать у себя. Какъ всегда, былъ и князь Тумановъ, который, какъ только вошелъ, сразу поздравилъ адмирала съ возвращенiемъ Распутина, который куда-то уѣзжалъ. Ниловъ принялъ это извѣстiе спокойно, не разсердился, какъ это бывало раньше, а Тумановъ воспользовался такимъ миролюбивымъ настроенiемъ флагъ-капитана, и началъ разсказывалъ далѣе, что, по свѣдѣнiямъ дворцовой полицiи, прiѣзжiя и мѣстныя поклонницы старца устраиваютъ ему на другой день чашку чая въ курортѣ Суукъ-Су. Адмиралъ сразу насторожился, все внимательно выслушалъ, и когда Тумановъ кончилъ свое повѣствованiе, вышелъ въ другую комнату, куда зачѣмъ-то позвалъ и своего камердинера Шишерина. Мы съ княземъ не обратили вниманiя на эту минутную отлучку хозяина и продолжали о чемъ-то говорить.

Тѣмъ временемъ адмиралъ вернулся. Обѣдъ затянулся почти до полночи, всѣ перешли на балконъ и любовались чуднымъ видомъ моря, залитаго луннымъ свѣтомъ. Изъ парка доносился запахъ какихъ-то цвѣтущихъ растенiй, проходили часовые, мягко шурша по гравiю дорожекъ, а изъ Ялтинскаго порта выходилъ ярко освѣщенный пароходъ, взявшiй курсъ на берега Кавказа.

Мы съ Тумановымъ откланялись. Камердинеръ адмирала почему-то хотѣлъ провожать меня до моего автомобиля, чего онъ вообще никогда не дѣлалъ. Когда я попрощался съ Тумановымъ, Шешеринъ усаживая меня въ лимузинъ, тихонько доложилъ:

— Ваше Высокоблагородiе! адмиралъ приказалъ мнѣ доложить Вамъ, чтобы Вы ожидали ихъ у сигнальной мачты.

Я переспросилъ — такъ необычно и не ко времени была эта просьба-приказанiе. Я былъ очень удивленъ, потому что вообще въ Ливадiи никто не гулялъ по вечерамъ, а тѣмъ болѣе уже почти ночью. Я даже подумалъ, какъ это адмиралъ пройдетъ мимо дворца въ это позднее время, развѣ что онъ подымется на верхнюю дорогу въ обходъ дворца. Автомобиль медленно катился по спускавшейся къ мачтѣ дорогѣ, и наконецъ остановился. Сигнальщикъ отрапортовалъ, никакихъ интересныхъ записей въ журналѣ не было, и я сталъ поджидать флагъ-капитана. Онъ скоро подошелъ и попросилъ меня сѣсть за руль, самъ сѣлъ рядомъ со мной и приказалъ: — «поезжайте». — Мы спустились къ Ялтѣ, проѣхали дво-

рецъ Эмира Бухарскаго, въѣхали въ городъ, проѣхали набережную, а я все не зналъ, куда это ѣдетъ адмиралъ. Такъ какъ нужно было уже заворачивать въ портъ, я спросилъ адмирала, не изволитъ ли онъ ночевать на яхтѣ?

Ниловъ велѣлъ мнѣ остановиться, приказалъ шоферу, матросу Рябову, итти на ухту и молчать, что адмиралъ спустился со мною въ городъ и сказалъ мнѣ:

— Теперь поворачивайте въ гостинницу «Ялта». Тамъ живетъ Григорій.

Мы, конечно, всѣ знали, что именно въ этой гостинницѣ всегда останавливался старецъ. Гостинница эта была скверная, въ верхней части города, и пользовались ею экскурсанты попроще и разныя дѣвицы.

— Вотъ свѣдѣнія Туманова и не вѣрны! По моимъ — чашка чая сегодня у Григорія здѣсь, а послѣ этого — моленіе. Ну, ужъ знаете эти моленія! Поѣдемъ, посмотримъ!

Когда мы подъѣзжали къ гостинницѣ, то оказалась что она уже закрыта, и всѣ окна темныя. Адмиралъ очень разсердился, вышелъ изъ автомобиля черезъ нѣсколько домовъ выше по улицѣ, и приказалъ мнѣ ждать. Однако адмиралъ скоро вернулся еще болѣе разсерженный и началъ ругать полицію, которая разставила и явныхъ и тайныхъ чиновъ по всей улицѣ. Адмирала, конечно, узнали при свѣтѣ фонарей, и когда онъ отдавалъ честь этимъ усерднымъ шпикамъ, то всѣ громко отвѣчали ему по чину.

Адмиралъ приказалъ мнѣ ѣхать въ Ливадію, но черезъ ворота со стороны Севастополя, позвалъ опять меня къ себѣ, и мы просидѣли за марсалой почти до разсвѣта. Адмиралъ все строилъ планы, какъ отдалить старца и отвлечь отъ Царской Семьи всѣ эти разговоры и нападки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. I. Дараганъ

ПАМЯТИ КАПИТАНА 2-ГО РАНГА ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОНЪ ШВАРЦЪ (1902 г.)

Еще одинъ изъ насъ моряковъ до Цусимскихъ выпусковъ отошелъ въ вѣчность.

6/I/52 скончался В. А. Шварцъ и по предсмертной просьбѣ былъ похороненъ на русскомъ православномъ кладбищѣ въ Гельсингфорсѣ надъ могилой своей матери.

В. А. провелъ всѣ годы эмиграціи въ Финляндіи, но даже многіе маряки не знали о его существованіи — такъ замкнуто провелъ онъ послѣ революціонные годы. Въ 1917 г. В. А. оказался въ Куоккалѣ и не учтя, какъ многіе, длительности революціоннаго процесса, остановился на «выжидательной» политикѣ и для поддержанія жизни — «временно» — занялся столярнымъ ремесломъ. Руки у него были золотыя и онъ во всѣхъ отрасляхъ — отъ электричества до кулинарнаго дѣла — могъ прекрасно справляться самъ, безъ всякой посторонней помощи.

Въ этотъ періодъ своей жизни В. А. сошелся съ семьей Свѣтл. Князя Демидова-Лопухина и вслѣдствіе крупныхъ внутреннихъ разногласій въ этой семьѣ, взялъ къ себѣ на воспитаніе въ 1918 г. одного изъ сыновей князя — Георгія, который и прожилъ съ нимъ до самой его смерти. Но заработки въ Куоккалѣ были ничтожные, ошибочность выжидательной политики становилась все яснѣе, а расходы по воспитанію молодого Демидова все росли. Въ 1933 г. В. А. перебрался въ Гельсингфорсъ, но было уже слишкомъ поздно начинать какую-нибудь новую карьеру! В. А. мѣстныхъ языковъ не зналъ и былъ принужденъ опять заняться столярнымъ дѣломъ, причемъ сталъ извѣстенъ въ соотвѣтственныхъ кругахъ какъ хорошій реставраторъ старинной мебели и мозаики по дереву.

Основной чертой характера В. А. была его замкнутость, а внѣшняя обстановка, вѣрнѣе матеріальныя условія, еще больше уединяли его и онъ напр., никогда не бывалъ на морскихъ обѣдахъ. Онъ былъ типичный pauvre-honteux, которому было очень трудно помочь экономически и который всѣхъ увѣрялъ, что ему очень хорошо живется.

Къ концу финляндской войны здоровье В. А. стало сдавать.

но благодаря своей огромной силѣ воли и терпѣнію, многимъ это было незамѣтно. Въ началѣ 51 г. В. А. пришлось лечь въ больницу, ему сдѣлали серіозную операцію внутр. органовъ и довольно скоро выписали изъ больницы. Но несмотря на «удачную» операцію В. А. скоро опять попалъ въ больницу и тутъ его уже положили въ отдѣленіе для безнадежныхъ больныхъ. Когда 12-ый изъ его сосѣдей по палатѣ былъ увезенъ въ покойницкую, В. А. заявилъ, что онъ «еще хочетъ жить», уѣхалъ вопреки протестамъ больничнаго персонала домой, взобрался въ свою комнатушку на 5-мъ этажѣ дома безъ лифта и сталъ тамъ существовать въ полной зависимости отъ тѣхъ, кто приносили ему провизію. Георгій Демидовъ къ этому времени сформировался во взрослаго человѣка, женился, имѣлъ приличное мѣсто и помогалъ В. А. Но частыя служебныя командировки мѣшали ему постоянно обслуживать В. А. и скоро выяснилось, что безъ больничнаго ухода не обойтись. В. А. опять былъ принятъ въ больницу, гдѣ онъ и скончался послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ непрерывныхъ страданій. Но ни въ трудные годы эмигрантской жизни, ни за долгіе мѣсяцы тяжелой болѣзни, никто изъ посѣщавшихъ его, никогда не слыхалъ отъ него ни одной жалобы на свою судьбу. Скончался В. А. тихо, отъ полнаго истощенія силъ, не будучи въ состояніи ѣсть что бы то ни было.

Мы, здѣшніе моряки, мало знали В. А., и обычно не понимали причинъ его отчужденности. Но самъ онъ не забывалъ флота и до послѣднихъ дней, когда къ нему заходилъ кто-нибудь изъ его товарищей по флоту, то заводилъ разговоръ о старыхъ временахъ и съ любовью вспоминалъ минувшіе дни, никогда не затрагивая своей личной тяжелой жизни. Сильная воля и терпѣніе въ нуждѣ характеризовали жизнь этого честнаго офицера, а затѣмъ — незамѣтнаго эмигранта.

Гельсингфорсъ, Іюль 1952 г.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ:

М. А. АЛДАНОВЪ — Живи какъ хочешь. Романъ въ двухъ частяхъ. Томъ I. 384 стр. $2.75
Томъ II. 320 стр. 2.75

В. АЛЕКСѢЕВЪ — Невидимая Россія. 405 стр. 2.75

А. АХМАТОВА — Избранныя стихотворенія. 272 стр. 2.25

А. А. БОГОЛѢПОВЪ — Русская лирика отъ Жуковскаго до Бунина. Избранныя стихотворенія. 416 стр. 2.75

М. БУЛГАКОВЪ — Сборникъ разсказовъ. 212 стр. .. 1.75

И. БУНИНЪ — Жизнь Арсеньева. Романъ. Первое полное изданіе. 388 стр. 2.75

ВЛАДИМІРЪ ВЕЙДЛЕ — Вечерній день. 224 стр. ... 2.00

А. В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМСЪ — На путяхъ къ свободѣ. 416 стр. 3.00

Н. В. ГОГОЛЬ — Повѣсти. Съ предисловіемъ В. Набокова. 272 стр. 2.00

РОМАНЪ ГУЛЬ — Конь рыжій. 288 стр. 2.00

НЕИЗДАННЫЙ ГУМИЛЕВЪ — Подъ редакціей Проф. Г. Струве. 240 стр. 2.25

С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ — Глухой приходъ и другіе разсказы. 304 стр. 2.25

Ю. ЕЛАГИНЪ — Укрощеніе искусствъ. Воспоминаніе музыканта. 436 стр. 3.00

ЕВГЕНІЙ ЗАМЯТИНЪ — Мы. 266 стр. 1.75

МИХАИЛЪ ЗОЩЕНКО — Повѣсти и разсказы. 428 стр. 2.75

ИЗДАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ ОБЩЕСТВА БЫВШИХЪ РУССКИХЪ МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ

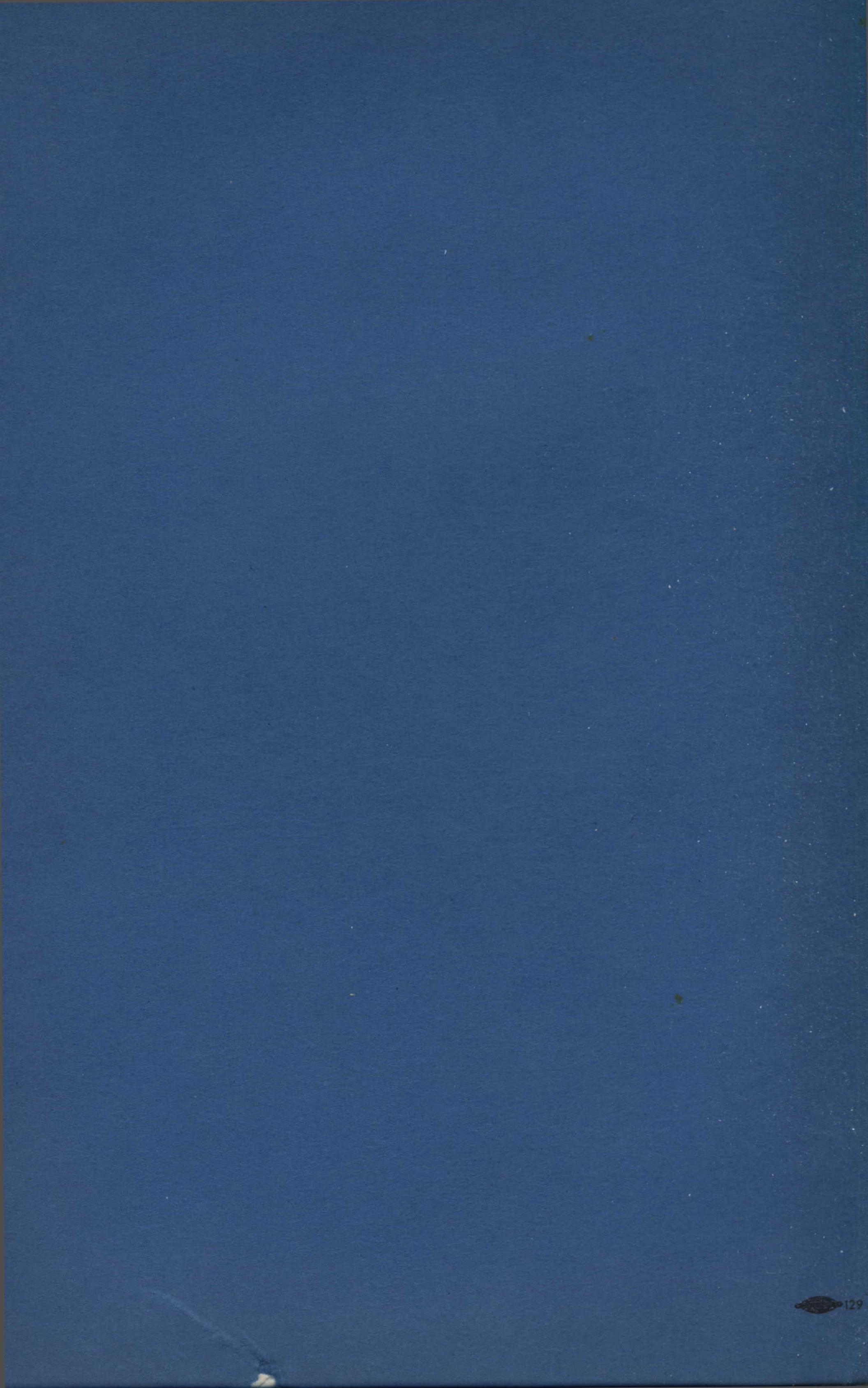
Имѣющіяся на складѣ для продажи.

Цѣны съ пересылкой.

		$ ¢
1.	«СЪ БЕРЕГОВЪ АМЕРИКИ». Юбилейный историческій сборникъ О-ва б. Р. М. О. А., 1923-1938 г.	3.50
2.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ I, 1943 г. (осталось лишь нѣсколько неполныхъ годовыхъ комплектовъ	4.00
3.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ II, 1944 г.	4.00
4.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ III, 1945 г.	4.00
5.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ IV, 1945 г.	4.00
6.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ V, 1947 г.	4.00
7.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ VI, 1948 г. — распроданъ.	
8.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ VII, 1949 г.	3.00
9.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ VIII, 1950 г.	3.00
10.	«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ IX, 1951 г. (Годовой номеръ)	3.00
11.	«ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСКЪ», къ 20-лѣтію О-ва б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ, Инк. (1923-1943)	1.35
12.	«МОРСКОЙ КОРПУСЪ ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА», А. Тарсаидзе. 1901-1925.	1.50
13.	Описаніе дѣйствій Гвардейского Экипажа на сушѣ и на морѣ въ войну 1914-1917 гг. Ст. лейт. Бар. Г. Н. Таубе	0.50
14.	«...И ТОЛЬКО ТОГДА НАСТУПИЛЪ МИРЪ...» Леонидъ Селезневъ-Скибъ. 1947	1.50
15.	«ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ» — 1923-1948 г. Къ двадцатипятилѣтію Общества б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ, Инк.	2.00
16.	«КОЛЫБЕЛЬ ФЛОТА» — 1701-1951 г. Къ 250-ти лѣтію со дня основанія школы математическихъ и навигацкихъ наукъ	3.65

Принимается подписка
на «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ» на 1952 годъ.
Цѣна $3.00 съ пересылкой.

Printed in U. S. A.
RAUSEN BROS.
417 Lafayette Street
New York 3, N. Y


129